

МЕРИ СЕЙБЛ

Наследие
времени
СЕКUNДА СЕЙЧАС

18+

Мери Сейбл

Наследие времени. Секунда сейчас

«Автор»

2023

Сейбл М.

Наследие времени. Секунда сейчас / М. Сейбл — «Автор», 2023

Магия вернулась. Владыка воскрес. Визия веками ждали объединения сил ради заключительной цели - уничтожить человечество. Однажды любовь сдержала Владыку и заставила предать слуг времени. Но за что бороться спустя восемь веков?

© Сейбл М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Предательница	5
Глава. 2. Визайтон	19
Глава 3. Слабости	29
Глава. 4. Эфа	39
Глава 5. Совет	49
Глава 6. Изабель	62
Глава 7. Бегство	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Мери Сейбл

Наследие времени. Секунда сейчас

Глава 1. Предательница

Покои принца слуги всегда вымывали до блеска. Грязь и эта комната, казалось, не совместимы. Но в нынешнее утро, там словно пошёл снег. Лучи солнца с востока не проникли в окно с открытыми ставнями из-за тумана, но тусклый свет озарял помещение, и частички пыли не прятались в темноте, а играючи витали в воздухе, создавая зрелищную вьюгу.

– Эрик, прекрати. К чему это все?

Фред стоял в углу комнаты и следил, чтобы принц не покалечился, пока разрушает мебель вокруг. Друг, больше похожий на живую статую, физически не вмешивался в разборки Эрика со страшными врагами.

– Предательница! – крикнул принц, и, сняв картину со стены, разбил раму о пока ещё не разломанный стол. – Чтоб ее.

На гладком дереве появилась выбоина. Стол был крепок. Но пришла и его очередь.

– А ведь эта картина подарена тебе на двадцатипятилетие. Столько лет висела, никого не трогала, – подметил Фред.

Эрик вооружился мечом и начал рубить по столу, но, сначала, отбросил уцелевшее полотно с изображением табуна элрогских вороных лошадей. Щепки разлетались, как взрывающиеся искры от тлеющих сухих веток из жаркого костра. После каждого такого удара Фред вздрагивал и кривил лицо. Происходящее ему не нравилось, но пока друга никто не видит, можно и простить его за такое зверское обращение с не дешевой мебелью. Дороговизна вещей не особо волновала знатных людей, и, все же, Фред с удовольствием забрал бы этот стол себе. Правда, будь он целым а не грудой опилок.

– Ненавижу её!

На мгновение Эрик остановился взглянуть на товарища, который все ещё стоял в углу, скрестив руки на груди. Лицо Фреда выглядело предательски спокойным. Ко многому привык, хоть и не к такой разрухе.

– Я понимаю. Мебель только не при чем. Но лучше уж столы и стулья, чем ты поднимешь руку на жену. Низко для принца и мужчины. Мда. Дикарка Джоан, – Фред глубоко вздохнул и продолжил. – К сожалению, она изрубит тебя в щепки меньшие, чем те, что ты настругал своим мечом. Он кстати теперь затупился. Не забудь отдать оружейнику после того, как закончишь страдать.

– Какая же она дрянь! – до Эрика не сразу дошёл смысл слов Фреда, но когда понял последнее, огрызнулся. – И я не страдаю! И она не изрубит меня на куски. И... И...

Эрик снова крепко сжал в своих руках оружие.

Кровать, в которой он так и не смог разделить ложе с женой, начала превращаться в рассеченные пуховые перья, пыль и новую грудку опилок.

– Тебе ведь здесь спать, Эрик. А может уже и не здесь, – размеренно и задумчиво пробубнил Фред.

Принц зарычал. Прикроватная тумбочка все ещё оказалась целой, и он решил сделать ей больно, но получилось, наоборот. Ударив ее с ноги, Эрик только ушиб палец, после чего, наконец, успокоился и сел на пол. Подошву у сапога оторвало, и толстые нитки торчали потрепанными пучками из грубой кожи. Эрик взглянул на большой палец ноги, который поприветствовал его из дыры. Под ногтем проступила кровь. И когда это принц докатился до того, что

носит дырявые носки? Мужчину трясло, а на лице выступали капельки пота. Можно подумать, что он сразился с настоящим злодеем или монстром, а не с окружающими предметами. Ему до боли стало смешно.

Фред подошёл к нему с полным графином вина, который приберег от удара в стену, и присел рядом с принцем. Тот будто не сразу заметил, что ему принесли выпить.

– Я уже готов был сделать ради неё больше, чем для любой бабы, Фред. Думал, мы с ней начали понимать друг друга. А она меня так отблагодарила. Хуже шлюхи из борделя, носит под сердцем чужого ребёнка. Это должен быть мой сын, Фред. Мой наследник. Он должен был обеспечить мир.

Опомнившись, Эрик отпил из графина, а сочувствующий Фред кивнул, и убрал перышко с головы принца. Перья продолжали летать. Они падали на пол, разрушенную мебель и сидящих на полу мужчин. Мелкий пух залетал в ноздри и заставлял их чесать носы, а лица краснеть. В курятниках и то чище, чем в покоях наследника короля, но это сейчас мало кого волновало.

– Эрик... – сказал Фред помедлив, будто решал в голове трудную задачу. – Это твой сын.

Принц откашлянул вино, которое попало не в то горло, снова раздраженно почесал нос, и озлобленно взглянул на друга.

– Ты издеваешься, Фред? Не заставляй меня надеяться, что в брачную ночь я не сплотовал. Я был очень пьян, но помню, как все произошло. Боги наказывают меня за распутную жизнь. И все же, я этого не заслужил.

– Только мы знаем, что беременность не от тебя. Джоан тоже не выгодно распространяться правдой. Уиллу и Араксану можно доверять. Дальше людей, что присутствовали на смотровой, слух о чужом ребенке не разойдется. Настоящий отец и вовсе закрыт там, где никто не полезет его искать.

– Желаеть, чтобы на трон Элрога в итоге сел фриельско-крестьянский бастард? Или кто там Гаррет? Жеребец? Ты настолько хочешь унижить меня? Пусть она проваливает со своими дружками. Я больше не выдержу таких попыток со стороны этой дикарки. Предательница!

– Эрик... Ты же сам говорил мне, если у Луи и Лотты не появятся дети, значит, на трон Медеуса сядет один из ваших с Джоан наследников. Пусть это будет её бастард. Какое нам дело, кто будет править в Медеусе. Законный, не законный. Джоан родит тебе другого ребёнка. Настоящего наследника Элрога. По-моему, здоровья у нее хватит, чтобы нарожать принцев на все королевства континента. У тебя много работы впереди.

Фред сам удивился, как додумался до этого.

– Я не мог уложить её в постель с той самой проклятой брачной ночи. Думаешь, она сейчас прибежит и раздвинет передо мной ноги? Да я сам не притронусь к ней, она порченная, – Эрик снова отчаянно засмеялся, вспоминая, как она не подпускала его к себе.

– Раньше ты не брезговал легкомысленными девками. Уверяю, сейчас ты не можешь выгнать принцессу.

– Могу. И сделаю это. Да за такое она должна быть предана казни... Боги, Фред, она сама кого хочешь казнит.

– Нет. Это глупо. Безрассудно. Подумай сам. Теперь ты не обязан хранить ей верность, хотя, тебя и так ничего бы не остановило спать со всеми девицами дальше. Ты можешь делать все что хочешь. Даже приходиться к Розалин без угрызения совести. Дождись, пока Джоан родит. Воспитывай ребёнка, как своего. И как только появится твой наследник, мы избавимся от мальчика. Твоя сестра и Луи с радостью примут его в Медеусе.

– Мальчишка какой-то особенный. Не видел что ли? Она превратилась в крылатого монстра, которого они называют Владькой. А этот Владька принадлежит её ребёнку, или ребенок ему. Неважно. Так просто мы от них всех не отделаемся.

Эрик, зажмурившись, снова большими глотками принялся за вино, пока графин не опустел. Он отдышался и прочистил горло. В голову напиток не ударил, видимо, пришло время

браться за пойло покрепче. Принц швырнул сосуд в стену, и тот рассыпался на осколки. А ведь это тоже подарок, только от посла Алоссы. Графин из цветного стекла.

– Если он будет так же силен, как Джоан, тогда тем более расти мальчишку как родного. Пригодится еще, – Фред выдал нервный смешок. – Мне жаль вас обоих, Эрик. Надеюсь, мне отец подберет самую обычную дочь лорда. А еще лучше, если я сам себе выберу жену. Человеческую. Угораздило же тебя стать мужем чудовища. Лучше бы она осталась уродливой, чем обладала такими способностями.

– Даже если оставлю мальчика здесь, она ни за что не ляжет со мной. Я теперь и силой заставить её не смогу, потому что она сама любого завалит. Я никогда не чувствовал себя настолько глупым и беспомощным. Меня будто лишили всего.

– Мы найдём рычаг. Найдём причину. Слабое место, чтобы она согласилась. Обещаю, удобный случай подвернется. Мы его не упустим.

– Может, в благодарность за то, что я её не вышвырну отсюда с позором?

– А это уже вряд ли. Так не пойдет. Придумаю что-нибудь, Эрик. Но знай, я не хочу причинять ей зло. Ты и сам виноват в том, что случилось. Думаю, ей даже проще родить еще одного, чтоб ты от нее отстал. Боги, мы говорим о женщине, как о племенной кобыле.

– Она и есть теперь кобыла, – съязвил Эрик.

– Считаю, что проще договориться и с ней, и с ванпулами, чем жить вечно как враги. Тем более все они весьма опасны, сильны. Да и какие-то непредсказуемые существа еще появились. Ну, что в Гаррета вселилось. Что мы о них знаем? Да ничего.

Эрика передернуло от имени любовника жены. Он с ненавистью вспомнил огненные волосы и зеленые глаза.

– Ты проводишь с ванпулами времени больше всех, и думаешь, они пойдут против нас? Пойдут на тебя войной из своих животных стад?

– Уилл добродушный парень, открытый. Гаррет был замкнутым. Я его не понимал с самого начала. Было в нем что-то особенное. Араксан... Догадываюсь, что за Владыку они встрянут охотнее, чем за нас. Вряд ли их волнует то, что наследник не твой. Они не честь Джоан защищают. Ей и самой плевать на свою честь. Она ведь в лесу воспитана.

– Да, в лесу. В котором ее уберегли от порочности. Она чудом после стольких лет попала ко мне в постель не тронутой. Пока не вмешался этот рыжий ублюдок. Гаррет был настолько особенным, что сумел в мою собственную брачную ночь переспать с Джоан. С моей женой.

Фред протянул принцу цепочку. Медальон, висевший на ней, крутился, напоминая о союзе между королевствами. На одной стороне написано Элрог, а на другой Медеус.

– Гаррет не брезговал ее уродством, в отличие от тебя. Он любил ее. Это не обвинение. Просто, так было на самом деле. До того, как Джоан исцелилась. Не думаю, что он пошел на это ради какой-то выгоды или желанием создать интригу.

Эрик раскрыл медальон. Он помнил, как надевал его на шею будущей жены. Мог ли он знать, чем все это обернется. Тогда он ее презирал, и был бы даже рад, если бы она изменила ему до свадьбы и об этом узнали все вокруг. А тем более ее беременность. Стыд и позор. Это стало бы прекрасной причиной не обречать себя на мучительную свадьбу. Самый ужасный день в его жизни. А после него и все последующие часы, сутки, недели и месяцы превратились в кошмар. Жена, отказывающая мужу. Жена, которая может физически дать отпор.

– Джоан Фриель, отныне Фонтгорн, навсегда принадлежит Эрику Фонтгорну, – прочитал принц. – Я ненавидел тот день, Фред. Я ненавидел ее. Мне было плевать на её жизнь. А сейчас мне больно. Больно от того, что она не носит моего ребенка. Я превратился в размазню из-за фриельской дикарки. Боги, она носит чужого бастарда. Сотни тысяч людей ждали законных наследников от наших союзов, но Джоан просто оборвала всю надежду своей выходкой. Сколько всего сделано ради хотя бы одного законнорожденного ребенка.

– Ты просто не привык к тому, что хоть кто-то дал тебе отпор. Когда-то это должно было случиться. К сожалению, именно такому человеку суждено стать твоей женой... И, да, измена... Я бы никогда не подумал, что она способна на такое. Как же глупо. Слишком глупо. Опрометчиво и непростительно. Но тебе не нужно ее прощать, тебе нужно только одно. Нам всем это нужно.

Эрик все еще сжимал медальон в руке. Он должен был согласиться с Фредом. Джоан так просто не выгнать из замка, тем более все знают, что у них была связь. Народ ждал новостей о ее беременности, и даже если сейчас он расскажет о бастарде, ему просто не поверят. Это оскорбит всю ее семью, и война начнется сразу после его слов, а отец ко всему ещё и засмеет сына неудачника и выдумщика. Что же скажет Лотта... Ее жизнь превратится в кошмар, если отец или брат погибнут на войне. А если ее любимый муж? Луи. Ради сестры Эрику нужно что-то предпринимать.

За дверью послышался голос Уилла. Эрик не хотел сейчас видеть ни его, ни Джоан. Никого.

Уилл оказался не один. Фред все же впустил мужчин, несмотря на бурчание Эрика. Поначалу все молчали и смахивали с себя летающий пух. Казалось, вошедших ванпулов не удивила разруха в комнате. Фред переглядывался с Уиллом. Друзья оказались по разные стороны берегов, но они оба искренне хотели помочь и Эрику, и Джоан. Тишину решил нарушить Уилл, но принц резким движением руки указал ему молчать. Несколько раз глубоко вдохнув, он все же заговорил.

– Что вы хотите от меня? Чтобы я ее простил? Мне неизвестно, к чему приведут ваши магические фокусы с превращениями, но известно, что она меня предала. Народ свой предала. Для животных это что-то значит? Вы понимаете, что я имею ввиду? – Эрик сказал это таким тоном, будто разговаривал с умственно отсталыми дураками.

На язвительные фразы отреагировал только Фред: закатил глаза и громко выдохнул. Эрик не хотел сразу же посвящать в свои планы ванпулов, и начал набивать себе цену. Их уговоры должны же поднять настроение. Хоть кто-то должен потакать ему, иначе, что он за наследник престола.

– Ты можешь ее не прощать, принц, но из замка выгнать не осмелишься. И дело не в ее неверности, а в том, что она единственная, кто может помочь твоим людям. Всем людям, – будто шепотом, но громко сказал Анункасан. Его сипловатый голос звучал уверенно.

Эрик фыркнул. Этот незнакомец еще более странный, чем вся шайка Джоан. Человек – птица. Огромная пернатая животина. Откуда он взялся вообще? Да и выглядел еще более странно, чем его сын. Смуглый цвет кожи, гладкие черные волосы с выбритыми до блеска кожи висками. Даже голос казался другим, будто после тяжелой болезни. Старческим. Но Анункасан был здоров, бодр и бессмертен.

– Зачем вы вообще мне сдались в моем же городе со своими трюками? Можете забирать рыжего коня, а если надо, то Джоан вместе с ним. Разбирайтесь в этом без моего участия. Мне всего лишь нужен наследник. Мой наследник. А что я получил? Дикарку, которая понесла от непонятного существа.

– И все же, она тебе не безразлична, – заметил Уилл. – Ты к ней привык.

Эрик помедлил с ответом. Он обдумывал каждое слово, но отрицать слова ванпула не стал.

– И что с того? Она изменница, и не заслуживает моего прощения. Как я буду стоять рядом с ней и бастардом? Как буду говорить всем, что он мой сын?

– Придется смириться, – продолжал утверждать Уилл.

Эрика это возмутило еще больше. Где уговоры? Где раскаяние хотя бы от них? Принц к такому не был готов. Только отец мог разговаривать с ним в таком тоне.

– Смириться? Пусть идет и умоляет меня о прощении! Кстати, где она? Где моя *любимая* жена?

– Она в тюрьме. С ним, – с горечью добавил Уилл. Его не волновали чувства принца, он горевал по другу.

Эрик фыркнул и расхохотался:

– Так может им там перину постелить? Вот эта сойдет? – Эрик указал на разрушенную кровать и разорванный матрас. – Даже сейчас она смеет быть там с ним, а не здесь, выпрашивая у меня милость. Желательно на коленях. Знаете, как без разговоров женщины умеют просить прощение?

Уже несколько раз он намекал на животное происхождение ванпулов, но вряд ли их это цепляло.

– Она заслуживает твоего прощения, как никто больше в этом неблагодарном мире! – Закричал Араксан, и от его тона все оглянулись. До этого момента он стоял молча, а сейчас его лицо исказилось в злобной гримасе.

– Что ты сказал? – Эрик встал с пола, приближаясь к мужчине.

– Знаешь ли ты, принц Эрик, что она рискнула всем ради тебя? Знаешь ли ты, что в тот день, когда *варвары* тебя едва не убили вместе с твоим конем, я просил Джоан бежать. Я умолял ее бежать вместе с Гарретом. Я хотел, чтобы ты больше никак не влиял на ее судьбу. Она любила Гаррета. Любила! Ты не способен к такому чувству и тебе не понять, чем она рискнула, спасая шкуру зазнавшегося принца. Она рискнула своей любовью. Своей свободой. Убей тебя тогда варвары, и Джоан бы освободилась от брачной клятвы. Уже тогда, она была беременна, уже тогда, связь с Гарретом была, Эрик, и она не бросила тебя! Даже не зная о ребенке, у нее был выбор. И она выбрала тебя. Она спасла твою никчемную жизнь. Отпустила Гаррета в одиночестве за моим отцом, чтобы помочь твоему проклятому королевству и всему континенту кишашего жестокими людишками. Гаррет лишился жизни, в конце концов! И после этого ты хочешь прогнать Джоан?

Эрик обомлел. Даже Фред смотрел на принца с удивлением. Никто не знал, что Джоан собиралась скрыться с поля боя в лесу от нападения варваров.

– Ты просил ее бежать в тот день с Гарретом, Араксан? – обратился к нему Уилл.

Парень знал, что Джоан перебила десятки варваров, но она никогда не рассказывала о том, что Араксан предлагал ей побег. Она осталась. Ради чего?

– Да. Я говорил, что мы можем бежать вместе. Но она бросила все, и вытащила задыхающегося Эрика из-под коня. И это после того, что ты насильничал ее в брачную ночь, – Араксан презренно смотрел на принца.

– Я ее не насильничал! – не выдержал Эрик. – Я исполнял свой долг. И не смог выполнить его до конца, потому что она рыдала. Я сжалился над ней. Боги, она же моя жена!

– Я не знал, что она спасла тебя в тот день от варваров, Эрик, – с упреком вмешался Фред. – Ты об этом мне не говорил. Я и сам едва не погиб тогда.

– Я тоже не знал, – добавил Уилл. – Как раз Фреда спасал и чуть не лишился ноги.

– Это же был просто порез, – отмахнулся Араксан.

– Я истекал кровью. Мог погибнуть мой ванпул. И я бы стал смер...

– Да она действительно вытащила меня, – резко перебил его Эрик.

Он не смог выдержать всех пристальных взглядов и рассмеялся. От отчаяния. Все вокруг сплотились против него. За что? За то, что неверная жена беременна от ванпула? Неужели никто не понимает, как его оскорбили? Что за неправдоподобный сон, от которого он никак не проснется.

– Надень медальон, Эрик, – посоветовал лучший друг. – Ради своей сестры. Ради семьи. Ради мира между королевствами.

– Ты с ними заодно, Фред?

– Не будь дураком, Эрик. У тебя все равно нет выбора. Мы не позволим вам с Джоан наделать еще больше глупостей. Вы оба не ведаете, что творите. Пока не совсем поздно. Твоя гордость не настолько важна, насколько нам нужен мир с Медеусом.

– Моя сестра безупречная жена. Она не дикарка, не была уродливой, не спала с другими мужчинами. Для нее есть только Луи.

– А Луи идеальный муж. Но вы с Джоан вылеплены из другой глины, – Фред говорил спокойно, в надежде, что все уймется от споров. – Луи еще мальчишкой обожал Лотту. Разве он воротил от нее нос, как ты от Джоан?

– Лотта не была изуродована.

– Джоан не виновата, что ее чуть не сожрал медведь, – снова наседал Фред.

Уилл хотел вмешаться и проболтаться про медведя-ванпула, но Анункасан одним взглядом закрыл ему рот.

Все летающие перья наконец осели, как пушистое одеяло снега, который в Элроге никогда и не видели. Принца до боли пронзила обида. Да, Джоан спасла его. Да он поступил с ней бесчестно. Но она же беременна от другого мужчины, и даже его лучший друг защищает ее. Предательницу. Как бы Эрик хотел сейчас сделать все по-своему. Хотел бы выбросить медальон вместе с неверной женой с балкона, но пристальные взгляды, словно под действием волшебства, заставили накинуть на шею цепь. Цепь, как у настоящего раба. Женитьба – это рабство. Осталось потянуть за звенья и приказать, что нужно делать. Эрик словно сам находился в тюрьме, сравнимой в скале его города. Он не признался даже себе, что без медальона уже чувствовал себя обнаженным. Опустошенным.

– Хорошо, – услышал принц собственный голос. – Но это не значит, что я прощаю ее. Она родит бастарда, а после этого будет каждую ночь ублажать меня, пока на свет не появится мальчик. Мой мальчик. И вы мне поможете ее заставить, в обмен на то, что я ничего не скажу отцу и постараюсь не вспоминать измену. А ведь мог и приказать ее казнить.

– Твоя жена, будущая мать Владыки. Ты не смеешь ей приказывать, – осадил его Анункасан, а Эрик прыснул слюной и хотел швырнуть медальон обратно ему прямо в лоб, но мужчина продолжил. – Джоан родит тебе сына, только если сама этого захочет. А она захочет, когда увидит достойного мужчину. Кроме угрозы от визийя на нас движется война между людьми. Мы должны сплотиться, а не убивать друг друга из-за невиновного дитя. Все в твоих руках, принц. Добейся ее доверия, тогда мы будем поддерживать тебя.

Уилл вздохнул. О Джоан говорили, как о разменной монете, и он подумал, что лучше бы она с Гарретом жили вдвоем в лесу. Но Гаррет мертв.

Туман начал рассеиваться, но тяжелая пелена по-прежнему не давала человеческим органам зрения рассмотреть с высока жизнь Элрога. Однако ярко-желтый с узким вертикальным зрачком глаз Джоан видел все. Городская суэта, патрулирование города, пасущиеся в полях лошади и скот, острые опасные скалы и могущественные непреклонные горы, высокие лиственные деревья и глубокое синее море. С этой точки можно увидеть все. Люди внизу и не подозревали, какое чудовище летало утром над их головами. Да и чудовище ли это?

Кто я? Кто мой сын?

Джоан не хотелось уходить со смотровой. Ей некуда идти после тюрьмы, ведь там любимым мужчиной завладел визийя, а в собственных покоях находился муж. Сейчас больше всего она не хотела видеть Эрика. Не потому что ненавидела. Нет. Она его предала. Предала ради наваждения и страсти. Предала ради ванпула и чувствовала перед собой вину, несмотря на то, что принц обошелся с ней бесчестно. Предала свою семью. Всё, чему её учила Лотта, было напрасно. Но еще больше её волновало состояние Гаррета, ведь он почти мертв, и как спасти его, никто не знает, а ей самой необходимо найти разгадку по уничтожению настоящих чудовищ.

Гаррета нельзя спасти.

Визийя. Визайтон. Слуга прошлого. Слуга времени. Секунда до. Об этих существах ничего не известно и теперь Гаррет принадлежит одному из них. Его душа и его тело.

Джоан всхлипнула. Никто не видел, как она плачет. Да, на данный момент она стала сильнее любой твари на земле. Могла быть жестокой, как свирепый хищный зверь. Но она женщина. Была наивной женщиной без собственного мнения. Женщиной, что любила. А сейчас ее любовь превратилась во врага, которого нужно истребить, пока он не уничтожил всех живущих на континенте людей.

Джоан положила руку на живот. Только сейчас она заметила, что он действительно слегка округлился. Ей и в голову не приходило, что она забеременела. Внутри еще совсем маленький, но человек, у которого бьется сердце в унисон с ее собственным. Медленно, как у взрослых людей. Теперь девушка его чувствовала, не понимая, как и раньше не догадалась. Она обвинила в этом видения, и поэтому запуталась в себе. Запуталась еще потому что слышала сердца окружающих ее живых людей иногда громче, чем свое. Когда Гаррет звал на помощь, Джоан ощущала нарастающую панику в его груди. Ванпулы ищут защиты у Владыки, как маленькие дети, что прячутся за храбрыми матерями. Отныне они все ее дети. Она должна всех спасти. Когда родится сын, то он поможет ей в этом.

Джоан замечала, что крови не было три месяца, но думала, что бессмертие несет за собой такие последствия, поэтому не придавала этому значения. Тем более, о способностях женщины вынашивать детей она и вовсе узнала не так давно, и не подозревала, что эта участь настигнет ее так внезапно. Лотта рассказывала о попытках, на которые уходили месяцы, но все заканчивалось смертью недоношенных детей. У многих ванпулов женщин кровь вовсе исчезала. Поэтому они так редко беременели. Но Джоан понесла, когда была еще человеком, а через неделю ее убила Арда. Ксанфа амазонок.

Я предала всех. Все начиналось с ксанфата. Это расплата. А когда мать частично отстригла мне волосы – удача покинула меня.

Порыв ветра растрепал косу, достигавшую колен девушки. Несколько коротких, выстриженных прядей паутиной прилипли к влажному от слез лицу, но девушке было все равно. Мысли путались, реальность пугала. Прошло несколько часов, а она все стояла, и вспоминала разговор с визийей.

– Верни мне Гаррета! Верни мне его. Пожалуйста, Визайтон, – надрывалась она в клетку, где визийя только молчал в ответ.

Ее сорванный голос отдавался эхом в скале. Она никогда так не вопила. Никогда так не рыдала.

– Приходи ко мне завтра, Джоан Фонтегорн, – последнее, что прошептал ей Визайтон.

Его взгляд исподлобья пугал. Молочные глаза с чёрными точками вместо зрачков.

Джоан хотелось снова закричать, чтобы никто не услышал, но, даже со смотровой, она могла привлечь шумом внимание зевак. Гром уже закончился и тогда об ее криках узнал бы и король. Джоан стала немного понимать правила придворной жизни: каждый считал своим долгом известить важных персон о любых слухах, неважно правдивых или нет. Гнев и отчаяние переполняли, а сбежать некуда. Может в лес? Нет. Без Гаррета она не уйдет, и плевать, что принц приказал ей убраться из замка.

Я должна вытащить Гаррета оттуда. Но как?

– Тебе нужно поесть, – раздался знакомый голос. – Я принес тебе хлеба и сыра, Джо.

Она не ответила. Уилл прижимал к груди жалкий перекус и выглядел нелепо. Он не знал как помочь, но должен попытаться вернуть её в замок.

– Эрик пообещал, что разрешит тебе остаться здесь. Он признает мальчика своим сыном. Это очень важно, Джо.

– Да мне все равно на Эрика. Зря я не задушила его еще в брачную ночь, когда он прикоснулся ко мне.

– Нет, Джоан, на Эрика тебе не может быть все равно, – настоял Уилл. Она резко выдохнула на эти слова, горько засмеявшись. Так же как и Эрик у себя в покоях на эти слова. – Не говори больше так никогда и нигде. Ты любишь Гаррета, и я его люблю. Он мой самый близкий друг. Мне тоже тяжело перенести такую потерю, но ты должна смириться с тем, что принадлежишь другому. Просто потерпи его, иначе войны не избежать. Твоя мать и брат не позволят принцу оскорблять вашу фамилию, но и Чарльз не будет в стороне, если узнает о тебе правду. Мне трудно поверить, что Гаррет разделил с тобой ложе. Видимо, за пару сотен лет, я его слишком плохо понимал. О чем вы только думали?

Джоан обернулась, и он увидел, как ее губы дрожат, а слезы не прекращая лились, капая на холодные каменные плиты смотровой. Она убрала мокрые пряди с лица, которые снова подхватил ветер. Он заглушал слова Уилла, но она отчетливо слышала каждую букву. Даже его короткие волосы путались от сильных порывов, но это было не важно.

– Я не хотела никому делать больно, Уилл. Не хотела, чтобы зло вернулось.

– Знаю, Джо. Я все понимаю.

Он обнял ее, все еще держа в руках угощения, и его рубашка стала мокрой, а девушка не могла остановиться. Всхлипы становились все громче.

– Помоги мне спасти его, Уилл.

У друга застрял ком в горле. Ему было так горько, плохо, и больно, но слезы остались на глазах, делая их красными и влажными.

– Я не знаю как, Джо. Может Владыка знает? Попробуй спросить у него.

– Дракон говорил, что это невозможно, а теперь и вовсе исчез. Я больше его не вижу и не слышу. Никого не чувствую сейчас, только стук сердца малыша. Оно поет мне песни. Просит перестать плакать.

– Мы будем искать выход, Джо. Сделаем все, что нам по силам. Идем, тебе необходимо вымыться. Сегодня нужно сообщить о ребенке Чарльзу.

– О нет, только не сегодня, Уилл, – взмолилась она. – Дайте мне время оправиться.

– Так надо, Джо. Какая бы буря на нас не надвигалась, вы с Эриком должны вести себя непринужденно. Никто не должен знать о происходящем. Особенно о Гаррете, об этом визийя. Да, и надеюсь, туман, гром и молнии спасли нас от любопытных ценителей слухов сегодня утром. Дракон не должен появляться на людях, пока мы не найдем способ разобраться с этими жуткими существами. Даже обладая таким могуществом, как ты и твой сын, ванпулы по-прежнему будут скрывать свою сущность.

– Мне кажется, я не смогу больше полететь. Это отняло так много сил, что теперь чувствую себя опустошенной. Я будто растаяла.

– Тем более тебе нужно успеть отдохнуть. Вечером в пирном зале будет собрана весьма большая компания. Фред уже этим занимается, потому что Эрик себя чувствует не лучше, чем ты. Такие разные трагедии. Вам надо сменить комнату, я бы даже хотел, чтобы вы разъехались, но слуги... Они только и ищут повод наябедничать королю. Надеюсь, вы оба вытерпите друг друга.

Она только вздохнула, и, наконец, смогла успокоиться. Ответственность за мир между людьми никуда не делась.

Покои и вправду пришлось поменять. В прошлой комнате все было изувечено настолько, что для жизни она стала просто не пригодной. Но на этом этаже хватало свободных помещений, точнее, они все были свободны, кроме тех, что занимали ее друзья и Фред.

Естественно, слуги об этом сообщили совету, но Фред постарался убедить всех, что разлука в покоях принца и принцессы обусловлена радостными новостями, а какими, не говорил.

На него смотрели с таким удивлением, что он почувствовал себя идиотом, но к этому, из-за вечных выходов Эрика, не привыкать.

Мелисса готовила Джоан к вечеру. Как обычно искупала, обтерла губкой, вымыла волосы, нанесла масла на кожу, что так сильно ударяли в чувствительный нос. Принцесса по-прежнему не снимала повязку с лица и перед рыжеволосой девушкой, хоть и доверяла ей.

– Принцесса, вам уже давно нужно перестать меня стесняться. Ваша повязка мешает расчесать волосы на затылке. Позвольте ее снять? – Мелисса потянула за шнурок, но Джоан тут же подхватила повязку рукой и зажала на желтом глазе.

– Расчесывай так, – пробурчала она и услышала вздох девушки. – Не хочу тебя пугать. Шрамы ужасные, даже мне неприятно на них смотреть.

– Я молодая, но уже многое повидала.

– Ты живешь в стенах замка. Что такого ужасного могла увидеть?

– Я помогала однажды принимать роды. Если это можно так назвать. Вот где действительно страшно посмотреть на то, на что способно тело женщины.

– Ты принимала роды? А повитухи.

– Понимаете ли, принцесса, не всегда повитухам нужно присутствовать у рожаящей женщины.

– Разве?

– Когда дело касается не очень желательных детей, от них пытаются избавиться. Вот я и спасала одну из наших служанок.

– Кого?

– Вы ее не знаете. Она разродилась на пятом месяце, и уехала из города. Чтобы больше не совершать таких ошибок. Ну или не совершать их в стенах замка, где тебя быстро могут отдать на службу в бордель.

– А кто отец?

– Один не очень осторожный лорд-вдовец. Но не будем об этом. Просто, надеюсь, что однажды, вы перестанете скрывать от меня ваш шрам. Выбирайте наряд на пир, принцесса.

В этот вечер Джоан оделась в темно-синее платье. Как и предыдущие наряды, богато расшитое драгоценными камнями Элрога. Она выбрала его, потому что оно было свободным от груди. Теперь ей положено носить платья без корсетов, хотя и до этого, она не особо баловала окружение неудобными юбками.

– Когда в Медеусе узнали, что я вернулась, все больше хотели посмотреть на мое уродство, чем удостовериться в правде моих слов о происхождении.

– Джоан, – Мелисса обратилась по имени и положила ей руку на плечо. – Вы прекрасны. Со шрамами или без. Я больше не буду просить вас снять повязку, раз вы так чувствуете себя более защищенной.

– Спасибо, Мелисса.

– Вы беременны? – больше утвердила, чем спросила Мелисса.

– Как ты узнала? – равнодушно вздохнула Джоан.

– У вас животик округлился. Ну и красавчик Фред всем говорит о какой-то радостной новости. Только глупцы не догадываются, что произошло. К чему такая спешка, чтобы собрать пир, если не известия о вашей беременности.

– Уже все знают?

– Я же сказала, только глупцы не догадываются. А значит, никто не знает, – Мелисса хохотнула.

– А ты смелая. Король тоже глупец?

– Король настолько отчаялся иметь внуков из-за Шарлотты, что он и в мыслях не держит, что вы можете так скоро забеременеть. Бойтся спугнуть судьбу. Говорят, чем больше о чем-то мечтаешь, тем скорее оно отвернется от тебя.

– А я раньше думала, что наоборот.

– Кто знает. Каждый верит в то, что ему удобно и приносит спокойствие.

Эрик зашел в их с Джоан новые покои и прислонился к стене. Он молчал. Она тоже. Джоан не волновало, где он был весь день и почему пришёл только сейчас. От него пахло вином, но не так сильно как в свадебный день. Видимо, последний раз он упивался ещё утром.

Мелисса поклонилась и вышла, и только после этого он открыл рот, но Джоан опередила.

– Я собрана к пиру.

Мужчина опешил от ее невозмутимости. Ни извинений, ни мольбы о пощаде, ни прелюбных колен. Будто это вообще он должен извиниться, настолько дерзким было ее выражение лица. После нескольких секунд молчания он все же выдохнул несколько слов:

– Это все, что ты мне скажешь?

В ответ ничего. Она просто вышла из комнаты и с гордо поднятой головой направилась к лестнице, ведущей на нижние этажи замка. Наверняка все приближенные к королю семьи уже заждались. Неизвестно чего больше они с нетерпением предвкушали: радостных новостей, о которых весь замок перешептывался, или о начале трапезы. Все любили вкусно поесть, поэтому, наверняка, для многих набить желудок важнее.

Эрик злился, но шёл за Джоан, не предложив свою руку для сопровождения. Только перед входом в зал он понял, что идти позади жены было оскорбительно. Возможно, она сделала это не специально, в силу своего дикого воспитания, но Эрик это запомнил.

Внутри помещение уже заполнилось приближенными лордами, советниками, придворными дамами, а главное – король уже был на месте. Чарльз сидел за центральным столом вместе с Аелис, и рядом пустовало два свободных места. Он заметил, как Эрик позволил жене пройти первой и подумал, что для этого должна быть веская причина.

Еще два длинных стола находились вдоль зала и свободных мест практически не осталось. Фред тоже присутствовал, он сидел рядом с отцом, главным советником короля, Фелоном Хоррисом. Друг облокотился на стол и сочувствующим взглядом проводил Эрика за стол.

Джоан было все равно на то, что все так рассматривают ее. Она впервые предстала перед обществом Элрога, но её отчужденность ещё больше привлекала внимание. Эрик отодвинул для нее стул, стиснув зубы. Она услышала это. Его пальцы впились в спинку стула так сильно, что кисти побелели.

– Спасибо, Эрик, – поблагодарила она, дернув правым уголком губы.

Джоан с нетерпением ждала окончания пира в их честь, а он только начался. Никто ведь ещё даже не знал, что стало причиной такого сборища людей. Эрик был нем, и она заодно. Хоть что-то их объединяло.

Как и следовало ожидать, все набивали животы, словно забыв, для чего их тут собрали, и когда места для яств в брюхе не осталось, тогда и интерес к принцу и принцессе снова возрос.

В конце концов, Чарльз не выдержал. Ему надоело ждать, когда вокруг все шептались и наблюдали за серьёзным наследником и его странной женой с украшенной драгоценными камнями повязкой на месте левого глаза. Джоан чувствовала каждый взгляд, куда он направлен и с каким прищуром. Знатные лорды сами были хуже дикарей, если их так интересовало уродство под маской.

– Сегодня, ко мне пришёл верный друг моего сына. Фред Хоррис, ты сказал, что для короны есть прекрасные новости, и я их по-прежнему жду, – сдержано произнес Чарльз.

Эрик меньше всего хотел вмешивать в это Фреда, но сам не мог сказать и слова.

Фред вышел в середину зала, наблюдая, как Эрик смотрит на него в смятении. Другу пришлось поклониться и переводить взгляд с одного недовольного лица на другое. Из Фонтенгорнов только у Аелис искрились радостью глаза.

– Ваше величество. Сегодня прекрасный день, наполненный замечательными новостями! – Сказал Фред, а Эрик фыркнул и его услышала только Джоан. – Этой радостной ново-

стью наш принц готов поделиться с вами всеми. Чем-то очень важным. Я не вправе рассказывать сам.

Фред думал, что оскорбит семью Фонтегорнов, если объявит о наследнике самостоятельно. По крайней мере, он уже подвел все к конкретным словам от принца. Осадок от нескладных слов тяжело отложился в его голове. Так позорно и не правдоподобно он ещё никогда не оправдывался.

– Эрик. Мы все ждем, – слова короля заставили принца дернуться.

Чарльз уже был очень недоволен. Его сын напоминал ему загнанного волками зайца, который сидит и молчит, смотря в пустую тарелку. И все же, Эрик вышел, осматривая всех своими лакриновыми глазами. Он заговорил, но тише, чем сам ожидал. Никто не услышал, что было проямлено под нос.

Я будущий король или шут для них?

Все умолкли. Тишина ещё больше начала действовать Джоан на нервы, ведь она снова услышала сердца всех вокруг. От них звучали разные голоса, и можно было отличить по интонации, кому принадлежит тот, или иной инструмент, гоняющий кровь.

Тук-тук-тук. Бух-бух-бух. Пых-пых-пых. Тах-тах-тах. Бах-бах-бах.

В голове пульсировало, и над её губами появились капельки пота. Ладонки тоже стали влажными, а Эрик все продолжал молчать. Кроме биения сердец, прибавились звуки урчания в переполненных желудках, и от этого захотелось освободить сдавленные едой органы противных ей людей. Естественно, просто распоров кишки. Еще немного, и вены на ее лице снова начнут раздуваться.

– Боги, Эрик! Скажи уже, что происходит? – вспыхнул Чарльз.

– Я жду ребёнка! – выкрикнула Джоан, встав из-за стола.

Капельки пота собрались в одну большую, и она струйкой потекла вниз, пока не сорвалась с ее подбородка. Через секунду вода разбилась о тарелку на такие же прежде мелкие капли.

Эрик поднял голову и их глаза встретились. Она видела в них ненависть. Страдание. Гнев.

Его лицо заставило ее улыбнуться, после чего она села обратно. Тело смогло расслабиться, забыв о том, что несколько секунд назад хотело всех растерзать на куски. Что это были за кровожадные мысли?

Чарльз повернулся к ней. Ему было противно от непонятного поведения Эрика, но её слова изменили короля не только в лице.

– Это прекрасная новость, – выдохнул Чарльз. – Принцесса Элрога ждёт ребёнка! – радуясь, восторжествовал отец Эрика и больше шум от желудков не докучал её ушам.

Джоан ловила на себе теперь восхищенные взгляды. Гул был оглушительным, но все же лучше, чем барабаны из сердец и поющие кишки, которые так ее раздражали. Удивительно, как шум помог отпустить злость. К громким возгласам она привыкла быстрее, чем к тихим, монотонным, стучащим, бьющим, как кувалда по голове.

Звуки восторженных голосов несли в себе радость. Но все эти люди не знали правды.

– Я сразу поверил в вас, принцесса Джоан. Вы стали мне дочерью. Вы мое будущее. Продолжение моего сына. Мои внуки. Мое наследие!

Чарльз, не прекращая, сыпал Джоан комплиментами после того, как принял поздравления от советников, а она в ответ смеялась и отвечала ему любезностями.

Эрик сидел рядом и слушал. Слушал, как все ей восторгаются. Его тошнило от этих слов. Она предательница, а он ничего не может рассказать. Отец отмахнулся от сына, будто он был никем. Сейчас Джоан была в центре внимания, а он пустым местом. Он ведь и вправду не имеет отношения к ребенку.

Эрик злился. Он её ненавидел. Ненавидел за то, что она его не ценит. За то, что променяла на простака из леса. За то, что не уважает его, как мужчину. За то, что под сердцем носит чужого ребенка.

– Сынок, с тобой все в порядке? – Аелис покраснела от вина.

Королева Элрога была счастлива, как и все вокруг, но Эрик вызывал у неё подозрения.

– Аелис, оставь его в покое. Мне стыдно за тебя, Эрик. Все будут обсуждать, как ты язык проглотил. Кто пойдёт за тобой после моей смерти? – Чарльз говорил это шепотом, придерживая Джоан за руку, ведь теперь она сидела по правую руку а не сын. Король все расспрашивал ее о самочувствии и здоровье.

Как же Джоан улыбалась одним уголком губы. Эрика это задевало все больше. Все происходящее доставляло ей удовольствие. Она светилась как пламя от свечи в беззвездную ночь. Ему казалось, что он вот-вот не выдержит и расскажет правду, но тогда даже если с Джоан что-то сделают, он будет опозорен. Опозорен, что не смог уложить жену в постель, когда она спала с другим мужчиной. С этим рыжим конем.

Джоан сослалась на усталость и все с пониманием отпустили её в покои, хотя прежде, такую выходку могли принять за оскорбление. Но Чарльз видимо собирался дать ей волю во всем, и Эрик еще сильнее сжал в руках вилку, которой так ни разу и не воспользовался по назначению за весь вечер. Оказалось, что он даже не пил.

– Ваше величество, если вы не против, мне бы хотелось, чтобы мой муж сопровождал меня. Мне будет одиноко, а я теперь боюсь оставаться без присмотра.

Эрик так стиснул зубы, что они жалобно заскрипели. Она это снова услышала и едва заметно поморщилась.

– Конечно, Джоан. Все что пожелаете! Эрик, ты слышал?

Принц так ничего и не сказал. Он просто пошёл за ней как послушная собачонка.

Ненавижу ее. Предательница.

Шум стих, не считая стук подошв после каждого шага по коридорам двух «влюбленных». Они направлялись вверх по лестнице все так же молча. Когда оба наконец оказались в своих новых покоях, она тут же разделась. Раньше, он бы посчитал это за вызов, но теперь он знал. Она просто делает то, что захочет. Делала так, как ей удобно. И точно сняла одежду не ради привлечения его внимания, а просто потому что решила переодеться.

Как всегда. Ни доли смущения. Обнаженная. Какое же у неё красивое тело. Шрам между грудей. Она умерла, но воскресла. Чтобы опозорить его... Или чтобы спасти от варваров...

Эрик наблюдал, пока она искала ночное платье. Когда голова проскользнула между полупрозрачных тканей, вместо радостной маски возникло очерненное событиями лицо. Принцесса весь вечер играла свою роль и наконец оказалась за кулисами. Повязка ослабла и соскользнула в её руку. Ладонь мягко прижимала кусочек кожи к груди. Кисть коснулась холодного металла. Медальон. Она опустила руку и оставила повязку на столе рядом со стопкой раскрытых книг. Джоан слегка повернула голову, заметив, что муж за ней наблюдает и даже не принялся переодеваться, будто собирался уйти.

– Ложись спать, Эрик, – она нервно указала на кровать. Ни намек на улыбку, какой одаривала его отца.

– Не хочется, знаешь, – огрызнулся он, и все же начал стягивать с себя сапоги.

– Тогда возвращайся к этим лордам и сиди там, привлекая внимание своим мрачным лицом.

– Я сам могу решить, чем мне заняться, без твоих наставлений. Принц не обязан отчитываться даже перед женой. Особенно такой, как ты.

– Ты весь такой напыщенный и самовлюбленный. Все считают тебя очаровательным, мужественным, непревзойденным принцем, а перед отцом ты робеешь, как малое дитя. Сразу наглость из твоих глаз исчезает, как только ты видишь Чарльза. Так такой ли ты совершенный, каким тебя считают глупые любовницы и загнанные в тески не самые умные лорды?

– Кто из нас еще напыщенный и самовлюбленный. Я не предавал тебя после свадьбы ни разу.

– Давай закончим на сегодня споры. Просто ложись спать.

– Я пойду на смотровую. Хочу поглядеть на владения, на которые будет претендовать твой бастард, – он пытался ее задеть, но больше оскорбил себя.

– Я запрещаю тебе ходить туда без моего сопровождения.

Эрик уставился на нее, будто она швырнула в него навозом. Это уже было слишком. Все было слишком. Еще одно слово, и он набросится на нее несмотря на то, что она женщина, беременная, да еще и в ответ может его разорвать голыми руками. Но вместо этого смог сквозь зубы выдать несколько слов.

– Что ты сказала?

– Если тебе нужна смотровая, то пойдёшь туда, только в моем сопровождении. Что непонятного? Если я тебе настолько противна, можешь пойти с Уиллом, который будет без умолку что-то говорить. В крайнем случае с Анункасаном, пока он не улетел.

– Ты совсем спятила? Будешь ещё указывать, что мне можно делать в собственном замке, а что нельзя?

Джоан подошла к нему вплотную. Она стояла настолько близко, что своей грудью прикоснулась к его ребрам. Ее голова была задрана вверх, и жёлтый глаз пугающе уставился ему в душу.

– Хочешь умереть, Эрик?

– Как ты смеешь мне угрожать? – он рискнул, прихватив пальцами ее подбородок.

– Я спрашиваю, а не угрожаю. Если ты ещё не понял, то существо, что сидит в камере, обладает страшным даром. С каждым днем он будет становиться сильнее, я пока не знаю, как его убить, не причинив вред душе Гаррета. Он может заставить тебя сделать все что угодно. Может заставить тебя танцевать, смеяться, плакать, убить себя, а еще хуже, убить его. Хочешь стать новым сосудом для этого омерзительного существа? Только ванпулы не подвластны его магии. Поэтому, не смей даже приближаться к той дубовой двери без меня или ванпула. Мы хотя бы сможем тебя защитить прежде, чем наделаешь глупостей.

– Я предпочту Араксана. Он самый молчаливый, – зашипел Эрик, убрав руки с ее лица. Она будто и не заметила этого, иначе освободилась бы раньше сама, вывернув ему руку.

– Араксан не ванпул. Он человек, обладающий даром воскрешения. Визайтон сможет заманить и его.

Джоан отстранилась на несколько шагов назад.

– Останься со мной, Эрик. Так будет безопаснее. Ты должен будешь найти все ключи от дубовой двери. Доступ к тюрьме нужно ограничить для всех без исключения. Достань их для меня. Если даже визийя поманит человека, то попасть туда ни у кого не будет возможности. Никто не должен оставаться с ним. Сделаешь это?

– Тебе не кажется, что ты много себе позволяешь.

– Скажи, чтобы я ушла из Элрога. Давай, скажи мне это ещё раз. Что ты будешь делать с визийей? Я его боюсь, Эрик. Даже я. Уилл боится. Анункасан боится. А ведь Визайтону мы не подвластны. Тогда объясни, откуда в тебе столько смелости?

А он так и не понимал, откуда в ней столько наглости, но все же кивнул.

– Ладно, – процедил он. – Я достану ключи. Твоя взяла, и уже не в первый раз. Скоро и моя очередь придет, помни об этом.

Джоан после его согласия больше и не слушала.

– Мы совсем ничего не знаем о визийей. Лучше и вход в башню закрыть, так будет безопаснее, – рассуждала она вслух. – Никто кроме нас все равно не ходит на смотровую. Зачем ее вообще кто-то построил? – Она задумчиво посмотрела в потолок, словно видела сквозь камень холодные плиты, находящиеся высоко в небе.

Эрик заметил, как соленые капли текут по ее щекам. Для нее они были горькими.

– В книгах не написано об ее происхождении и стройке, – пробурчал в ответ принц.

– Ты слышал что-нибудь о Горбене Фонтегорне? – Спросила она, подавляя всхлипы. Ей не хотелось, чтобы он знал о ее истерзанном состоянии, но Эрик все видел. Он уже знал.

Снимая рубашку и штаны, он подошел к кровати, и, задув свечу, лёг на постель. Она присоединилась. После свадьбы Эрик мечтал лежать с ней вместе, когда не спит, но Джоан приходила только после того, как он засыпал. Сейчас она лежит рядом с ним и просто разговаривает. Предательница.

– Никогда не слышал о таком, – ответил он, повернувшись спиной.

Она все же начала всхлипать. Мысли о жалости начали донимать, но Эрик уснул прежде, чем успел что-то сказать.

Глава. 2. Визайтон

Эрик неохотно пробуждался. Не открывая глаз, он лежал, и что-то внутри у него сжималось, как после страшного сна. Потом он вспомнил. В прошлое утро принц узнал, что жена беременна не от него. Ему хотелось снова погрузиться во тьму и не просыпаться, но послышался тихий всхлип в подушку.

– Ты хоть засыпала? – раздраженно спросил Эрик.

Молчание.

После происшествия с варварами, он сомневался, что такие воины, как она, вообще умеют плакать. Эрик ждал, что она заговорит и требовательно зашуршал одеялом, но Джоан продолжала всхлипать.

– Знаешь, Джоан, что не только тебе паршиво? Ты вообще понимаешь, что происходит? Что ты натворила?

– Гаррет умирает, Эрик. Я сожалею, что предала тебя, но никогда не пожалею о том, что люблю его.

Дрянь. Сожалеет, но даже не просит прощения. О любви говорит. Напрямую говорит, что любит другого.

Эрик почувствовал, как она вылезла из кровати. Девушка встряхнула одежду. Видимо, она была скомкана, а не сложена, как принято. В этот раз принц не удостоил вниманием обнаженное тело жены. Что он там не видел? Но больше его раздражало, что взять свое по праву он не может, тогда незачем снова дразнить разыгравшееся воображение.

Джоан перестала всхлипать. Эрик услышал громкие глотки, будто она утоляла жажду трёхдневной давности. Словно пил тот монстр. Ящерица, способная парить в небе, как птица

– Куда-то собралась? – небрежно поинтересовался он.

– К Визайтону.

Зазвенела цепочка с медальоном, который она спрятала под рубашкой.

– Если существо так опасно, не боишься, что оно навредит ребенку?

– Он не знает о малыше.

Эрик все же приподнялся в кровати на локтях взглянуть на нее. Лицо девушки опухло, но Джоан нахмурилась, заставив глубокие морщинки появиться на коже. Принцесса вглядывалась в пустоту. Так люди смотрят внутрь себя, вспоминая плохие события из жизни, или думают о том, кого они мечтают убить. Эрик даже обрадовался, что девушка смотрит не на него, иначе, можно было бы попрощаться с жизнью. Эти мысли еще больше угнетали, ведь всеми любимый принц иногда побаивался собственной жены, и это заставляло мужчину стыдиться. Главное, чтобы никто при дворе об этом не узнал. Особенно отец.

– Зачем тебе снова ходить к нему? Может ты перестанешь делать из меня дурака? Ты идёшь туда ради Гаррета. Будешь искать способы вернуть его или что-то такое. Я не особо разбираюсь в колдовстве.

– Визайтон видит прошлое. Я должна узнать, с чего начиналась история. Все эти превращения. Он обещал рассказать об этом, если буду навещать его в тюрьме. Когда-нибудь он выдаст тайну о том, как уничтожить визийя. И да, тем самым, в первую очередь, я хочу спасти Гаррета. Если это ещё возможно. От части, я верю в то, что ему никто не поможет. Каждую секунду я меняю свое мнение. Он жив. Он мертв.

– Это Визайтон рассказал про какого-то Горбена Фонтегорна?

– Да. Но кроме имени, я больше ничего не узнала.

– Джоан, – она вопросительно подняла веки, взглянув в лакриновые глаза. – Мне нужен наследник. Мой наследник. Так не только я считаю, но и твои дружки тоже.

Эрик увидел, как проблеснула ярость на её лице. Глаза сузились, брови сдвинулись к носу, а губы будто сдерживали крик. Конечно, принца это смущало, но и отступить он не собирался.

Да как он смеет сейчас об этом говорить?

– Твой наследник умрет, если мы не уничтожим всех визийя, Эрик, – она сосредоточилась, стараясь объяснять без лишних эмоций. К спокойному тону люди внимательнее относятся и воспринимают сказанное лучше. Потому что прислушиваются и боятся пропустить что-то важное. Анункасан всегда так разговаривал, когда вокруг все были на взводе. – Вымрут люди, и твой сын. Кто бы его не родил, не будет иметь никакого значения чью фамилию ему суждено носить. Существ трое, один у нас в плену, а я не понимаю, как найти остальных. Не знаю, удастся ли их поймать и запереть. Надеюсь на твоё понимание.

– Ты родишь мне наследника, – зарычал он, забыв, что разговаривает с опасным существом.

– Нет. Никогда, – огрызнулась она, забыв о сдержанности.

Оба озлоблены, раздражены и каждый не понимал, чем заслужил такое отношение. Один грезил о родном сыне, другая, о спасении людей и Гаррета. На понимание между ними не было и малой надежды.

Джоан вышла из комнаты, оставив его злиться дальше. Когда дверь закрылась, она услышала, как что-то с грохотом упало. Оставалось надеяться, что эта комната и мебель ещё продержатся какое-то время.

Неужели Эрик не соображает, что всем людям грозит вымирание? Видимо нет. Таких людей можно убедить только когда они на своей шкуре почувствуют то, о чем предупреждали.

Девушке уже было страшно за малыша, который еще не родился. Но её сын будущий Владыка. Ребенок был защищен от магии визийя, а вот как помочь остальным, она понятия не имела. Даже если к чарам мальчик был неуязвим, то вместо этого, ему угрожали люди. Никому нельзя было узнать раньше времени, кем он станет, иначе, найдутся добровольцы убить его, посчитав угрозой. Магия слишком давно вымерла и её возвращению обрадуется не все. Неизвестности мало кто вообще радуется.

Джоан поднялась на лестничную площадку перед дубовой дверью. Даже сейчас девушка чувствовала странную энергию, поманивающую войти внутрь. Для нее это было словно незначительный воздушный поток, но для человека могло стать настоящим порывом ветра, а в будущем и вовсе торнадо, что принесет к визийя. Никто не знал, как быстро он восстановит свои силы. Нужно было перекрыть доступ в это место для всех при первой возможности.

Вставив в замочную скважину и провернув ключ, она потянула за железное кольцо. Дверь с тяжелым скрипом открылась, будто не хотела ее туда впускать. Неуверенными шагами Джоан шла по мостику, висевшему над пропастью. Перейдя на другую сторону и оглянувшись, она убедилась, что закрыла за собой дубовую дверь.

Принцесса умела высекать огонь, а факелы были пропитаны маслом, и от малейшей искорки пламя вспыхивало мгновенно. Озаряя светом путь, она шла медленными шагами, наблюдая за дикими крысами. Неужели ей страшно? Внутри сердце гуляло, как необузданный конь по просторам, и Джоан никак не могла уговорить его встать на место и успокоиться.

Тысячи тварей бегали по костям. Как же оглушительны были их маленькие сердца, вздохи и когти, царапающие камни. Джоан хотелось сжечь их всех. Приступы гнева все чаще становились не зваными гостями в голове, да еще и мерзкий запах сырости, гнили и испражнений обжигали без того чувствительный к вони нос.

– Ты пришла ко мне.

Джоан услышала, как эхом раздался страшный голос. Ледяной. Совсем не такой как у Гаррета. У него был теплый. Согревающий.

Она продолжала идти по коридору, пока во тьме не появился силуэт. Такой знакомый и такой чужой. Приблизившись, почти в плотную, она остановилась перед решеткой, чтобы он не смог дотянуться до неё руками. Но существо даже не шелохнулось. Визайтон стоял лицом к ней, выпрямившись в полный рост. Его ноги были расставлены на ширине плеч, а руки в напряжении распрямились вдоль тела. Из одежды он оставил на себе только штаны, поэтому она могла разглядеть грудь и торс. Шрамы на груди Гаррета никуда не исчезли. Джоан подняла взгляд. Это было лицо будущего отца ребенка, но оно изменилось. Как два брата близнеца, но совершенно разные.

У него была другая мимика, другая ухмылка, взгляд исподлобья. Гаррет так никогда не смотрел. Огненные волосы словно потускнели. Они не горели, как пламя, а три белоснежные пряди и вовсе выглядели неестественно, будто выкрашены мелом. Зеленых глаз больше не было, только неестественно белое молоко, и маленькие капли чернил вместо зрачков.

– Не знаю, рад ли тебя видеть, Джоан.

– Что это значит? Пленников не спрашивают, чему они рады.

– Я обещал тебе показать прошлое. Ты ведь за этим сюда пришла? Знаешь, это очень болезненно. Я ещё не понял, готов ли к этому, – он оставил рот приоткрытым и изучающе вглядывался. – Или ты пришла ради Гаррета? Это бесполезно, предупреждаю. Чтобы потом не было разочарования.

Она не дала мускулам на лице дрогнуть. Визайтон не должен угадывать ход её мыслей.

– Ты сам причиняешь боль сильнее, чем любой человек. Что будет со мной, если я стану смотреть с тобой в прошлое?

– Тебе эти муки не передадутся, но ощущения получишь не забываемые. Обещаю. Сразу перейдём к делу? Мне здесь скучно, можем и просто поболтать, как старые друзья. Я ведь тебе не враг.

– Как это происходит?

– Тебе нужно взять меня за руку, когда во второй будет кость Горбена. Остальное сделаю сам.

Визайтон указал на скрюченный скелет на полу, и она отстранилась.

– Ты можешь навредить мне, когда прикоснусь к тебе. Может это коварный план, кто знает, что тебе нужно? Я не брала с собой ключ от твоей камеры. Ты не выберешься.

– Зачем мне вредить Владыке? Умрешь ты, и я потеряю свой дар, а магия снова сгинет. Наоборот, я всеми силами хочу сохранить тебе жизнь. Выстроить доверительные отношения. У нас ведь так мало времени.

– У нас много времени, Визайтон. Я могу здесь жить, пока не узнаю, как уничтожить визийя.

Он засмеялся, и ей стало холодно от издаваемых им звуков.

– Так вот зачем ты пришла на самом деле. Убей себя, и люди выживут, – ухмыльнулся он. – Ты источник силы. Питаешь меня лучше, чем хлеб голодающего ребенка. Вот только я все равно останусь в теле Гаррета. Да, лишусь силы, но не умру.

Ей всего лишь нужно умереть. Об этом и не могло быть и речи. Джоан не боялась смерти. Нет. Она ждала ребенка и не позволит навредить ему. Но ведь визийя не знает об этом.

– Ты говорил, что Владыкой был Горбен Фонтгорн. Нигде в книгах нет такого имени. Первого из рода Фонтгорнов звали Гофар.

Джоан не умела читать, но о своих предках рассказывала Лотта еще в Медеусе.

Визайтон протянул руку, но она по-прежнему боялась прикоснуться к мерзкому её душе существу.

– Я не причиню тебе вреда. В моих интересах показать правду. Когда узнаешь все, то присоединишься к нам. Уверяю, по собственному желанию. Владыка не подвластен магии ни

одного из визий. Бояться нечего. Тем более, Горбен всегда тебя защищает, даже когда ты не подразумеваешь этого.

– Что я увижу?

– Я верну нас в прошлое глазами Горбена. Ты будешь видеть, слышать, осязать то же, что и он тогда. Но уже не сможешь ничего изменить. Прошлое невозможно сделать другим, Джоан. Я отведу тебя к самым важным событиям из его жизни. К моментам, которые заставили его стать Владыкой.

– Он таким не родился?

– Нет. Конечно, нет.

– Если все знаешь, почему не расскажешь по памяти? Да и смысл от слуги прошлого, если прожитое нельзя изменить.

– Я не знаю всего. Много, но не все из жизни Горбена и тех времен. Уверяю, мне до сих пор неизвестно, из-за чего именно он предал нас. Визий. Это было большой ошибкой. Он предал магию, что даровала нам такую силу. Прошлое нужно знать. Правду нужно знать. Я – правда.

– Тогда почему не заглянешь в прошлое без меня?

– Ты же делаешь меня сильнее, забыла? Да и я бы хотел, чтобы ты узнала правду, ведь настоящая история сожжена. Почему Владыка выбрал тебя, мне не понятно, – он подозрительно оглядел ее. – Тело женщины не способно справиться с силой Владыки. Такая магия уничтожает тебя изнутри. Но возможно, вместо бессмертия, ты сможешь прожить дольше, чем обычный человек. А возможно умрешь через год, если будешь постоянно применять его могущество. Магия сама себе хозяйка. Думаю, ты, как и человек, нуждаешься в пище, полноценном сне, даже наверняка в горшок ходишь, как все смертные. Знала ли ты, что ванпулы после приемов пищи, не оставляют за собой испражнений? Удивительные существа. Такие милые, но поглощающие в себя все без остатка. Я вот тоже могу не есть. Умер бы уже с голоду. Раньше, до смерти Владыки, я мог и не спать, но ты слишком медленно возвращаешь мне силы, поэтому приходится отдыхать.

– Горбен предал вас? – Не обращая внимания на остальные слова, спросила она. Сейчас ее волновало прошлое.

Визайтон взял одну из костей, лежащих на полу, а вторую руку снова протянул ей.

Писк крыс начал выводить её из себя. Осталось два выхода, чтобы перестать их слышать: либо уйти из тюрьмы и не возвращаться, закрыв за собой дверь навсегда, или заглянуть с Визайтоном в прошлое и узнать правду.

– Все по порядку. Ощущения могут быть не самыми приятными, но, со временем, ты привыкнешь.

Джоан медленно приближала руку, пока его пальцы не схватили запястье. Ледяные пальцы.

Может, Гаррет замёрз? Чувствует ли он холод?

Внезапно, Джоан ощутила силу падения. Она неслась в неизвестность с такой скоростью, что тело раскалывалось на кусочки. Но он был рядом. Гаррет. Нет. Визайтон. В любую секунду она могла прервать это и освободиться из его лап, но не сделала этого, а последовала за ним.

– Мы уже близко, – прошептал он.

Все стемнело и существо исчезло. Ее собственные глаза начали моргать, но она не управляла веками.

– Доброе утро, Ричард, – она заговорила не своим голосом. Мужским.

– Доброе, Горбен! – восторженно закричал в ответ мужчина, и Джоан начала разглядывать все, что попадалось в поле зрения.

Она сидела за столом и увидела молодые мужские руки, на данный момент принадлежавшие ей. Вокруг лежали письма и книги с картами. В душе она закатила глаза, проклиная себя за то, что до сих пор не научилась читать. Пора бы это было исправить.

– Выглядишь очень довольным. Могу тебя поздравить, брат?

– Мальчик, Горбен! У меня родился мальчик! Теперь, ты стал дядей.

Горбен встал, и, Джоан поняла, что еще не привыкла находиться в чужом теле. Она обняла мужчину, который был братом Горбена. Разглядев его поближе, она узнавала безупречные черты лица. Очень красивый и смотрит на неё лакринами.

Он... Он так похож на Эрика, – выпалила она, но никто ничего не ответил.

Горбен слегка повернулся, и она увидела отражение в зеркале. Синие глаза с прозрачными крапинками Фонтегорнов. Молодые братья тоже были похожи, но Ричард казался более юным.

– Как король, благословляю вашу семью. Ты уже дал сыну имя?

– Я назвал его Гофар, – с улыбкой заговорил брат Горбена.

Гофар! Неужели тот самый. Он был первым в истории королем Фонтегорном. Но так было написано в книгах, а сейчас отец Гофара называет своего брата королем. Не может быть! Горбен был королем Элрога, а потом его племянник сел на трон! Но почему в истории стерли имя Фонтегорнов до Гофара?

Визайтон ничего не ответил. Он будто исчез и оставил её в другом теле.

– Мой младший брат обзавелся семьей раньше, чем я! Если у меня не будет наследников, значит...

– Ну, уж нет, Горбен. Тебе пора жениться. Не хотел бы я такой участи для сына. У меня самое выгодное положение – близок к королю, но не несу такой ответственности за тысячи людей. Тем более, после такой позорной смерти нашего отца, люди наконец поверили в тебя. Что может быть хуже для жителей Элрога, чем умереть со сломанной шеей, свалившись с коня.

Джоан теперь точно убедилась, что она слышит разговор предков Эрика. Вечные проблемы с женитьбой и наследниками. И как только их род выжил спустя столько веков?

– Как раз для меня есть предложение, Ричард. Я не хочу забивать твою голову в столь радостный день, но мне все же нужен совет.

Ричард улыбнулся.

Боги, как же он похож на Эрика.

– Мы можем обсудить это сейчас, пока жена отдыхает. После, обязательно покажу тебе сына.

– Мне пришло письмо из Медеуса, – после этих слов Горбена, Ричард удивленно вскинул брови, и начал прислушиваться внимательнее. Улыбка медленно сползла с лица брата, как у человека, который медленно засыпал и лицо невольно расслаблялось. – В Медеусе трон передается не только по старшинству. Они передают правление исключительно мальчикам.

– В Элроге тоже наследует престол мужчина.

Ричард налил себе кубок вина и опустился на кресло.

– Да, но бывали случаи, когда у королев Алоссы и Гринстона рождались девочки, и ни одного мальчика. Тогда, старшая могла стать королевой, а будущий муж брал ее фамилию. Это было давно, но не исключено право правления наследницы. Будь у нас старшая сестра, кто знает, может, и она стала бы королевой. Но Медеус...

– Ближе к делу, Горбен, – Ричард нервно глотнул вина.

– Власть сменилась в Медеусе. Умер отец Тахора от лихорадки. Теперь он король, не знаю, насколько умный и справедливый. Ему шестнадцать лет, еще меньше, чем было мне, когда я сел на трон, но у него есть старшая сестра.

– Тахор лично написал тебе?

– Да. С предложением объединиться.

– Тахор Фриель предлагает тебе свою сестру в жены? Быстро же он освоился на троне короля.

Горбен выдохнул. Джоан видела, как он хрустит пальцами на руках, но не почувствовала этого.

– Мне двадцать три года. Если бы не корона, я бы прекрасно себя чувствовал, наслаждаясь девушками из наших земель. Но видимо, пора жениться. Еще и на фриельской деве.

Фонтегорны. Как же они похожи.

– Изабель значит. Фриели, конечно, мрачноваты, но насколько мне доводилось слышать, девушка не дурна собой. Не думаю, что от нее могут быть какие-то неприятности. Но Фриелей я недолюбиваю, ты же знаешь. Напыщенные эгоисты с музыкальными инструментами и длинными палками в руках.

– Я повременю с ответом. Все же, хотелось бы увидеть ее прежде, чем дам согласие. Должен же я понять, какая участь ждет меня оставшуюся жизнь.

– Значит, собираемся в скором времени в Медеус? Забирай Изабель сразу сюда. К чему откладывать неизбежное. Моему сыну нужен брат, и они будут неразлучны, как мы с тобой.

– Я поеду без тебя. Останься с семьей, пока еще можешь насладиться новорожденным. Дети слишком быстро растут. Твоей жене нужна поддержка.

– Еще мне придется править от твоего имени, Горбен. А ты коварен! Но как отправишься в такую долгую дорогу без родного брата?

– Со мной будут они.

– Все трое?

– Да. Так что можешь не волноваться. Я буду в надежных руках.

– У Бисоха тоже семья и маленькая дочь, в отличие от Тонуна и Гурнона.

– Зато он самый ответственный. Тем более, рождение дочки он уже отметил год назад. Я умру от скуки, если отправлюсь без толстяка.

Горбен обнял брата еще раз, и они направились навестить новорожденного племянника короля.

Джоан старалась разглядеть все вокруг. Сомнений не было, что это тот же элрогский замок. Король даже жил на том этаже, что и она с Эриком, только вот чего-то не хватало.

Башня. Не было входа в башню. Значит, в то время она еще не была построена.

Младший брат жил на два лестничных пролета ниже. Замок если и изменился с прошлых времен, то только свежими гобеленами, коврами и канделябрами в стенах. Когда они дошли до покоев Ричарда, то услышали крик маленького ребенка.

Молодой отец зашел первым. Его жена была все еще бледна, но очень счастлива. Служанки уже переодели женщину, и заменили кровавые простыни. Ричард обнял девушку с такой любовью, что у Джоан сжалось сердце. Она снова почувствовала себя одинокой.

Как же они счастливы быть семьей.

Служанка поднесла сверток к рукам Горбена. Джоан смогла разглядеть пухлое личико, что раскраснелось после плача. Гофар посмотрел в ее глаза, точнее, в глаза Горбена, будто уже все понимал. Будущий король.

И у него синие. Безупречные лакрины, а белые крапинки расположены точь-в-точь как у Эрика.

– Прекрасный сын, брат. Здоровый. У него взгляд короля, – пошутил Горбен.

– Или взгляд двоюродного брата будущего короля, который еще не родился, – подметил Ричард.

Горбен засмеялся. Брат категорически не хотел, чтобы сын стал королем.

– А вдруг Гофар и сам захочет стать королем! Вот увидишь, будут соперничать с моими будущими детьми за трон.

– Этому не бывать. Наследие есть наследие. Дело времени.

Ричард так хлопотно заглядывался на малыша, что Горбен решил оставить семью наслаждаться новорожденным. Он не чувствовал себя лишним, но собственные проблемы сами себя не решат.

– Оставлю вас. Пойду сам поищу эту троицу. Не хочу привлекать внимание слуг.

Брат понимающе кивнул.

Горбен уверенно зашагал по замку. Все встречающиеся на пути лорды и слуги обращались к нему и кланялись. Король был приветлив. Он даже чем-то понравился Джоан, потому что собственный муж был более напыщенный эгоист, не уважающий никого, а этот человек все же казался учтивым к каждому.

Первым из его друзей встретился Тонун.

Мужчина был достаточно молод, выглядел не старше Эрика. Он был худоват для воина, но уверенность и резкость в каждом движении развеяла этот предрассудок. Парень не был красавцем. Его каштановые волосы отрасли до ушей, и были ровно подстрижены. Такая прическа показалась Джоан забавной. А еще больше её удивило, как он наряжался. Весь в золотом с расшитыми сверкающими разноцветными камнями, и при этом одежда была велика, словно он донашивал ее за кем-то другим. Даже король выглядел скромнее, а точнее скромно. После выряженного Тонуна, Джоан обратила внимание, что Горбен вообще был одет не приметно. Темно-коричневый кожаный дуплет, уже потертый, словно носился не один год, и брюки для верховой езды, заправленные в черные сапоги, которые так же носились не первый день. Главное, что и короны на голове не было. Будь Эрик правителем, то носил бы ее не снимая, но у него еще все впереди.

– Мой король, – Тонун приветливо улыбнулся и слегка поклонился. – Могу поздравить вас с рождением племянника. Слухи быстро расходятся от слуг до лордов.

– Пошли, Тонун. Не хочу, чтобы кто-то нас подслушивал.

Друг шёл бок о бок с ним и не задавал вопросов. Его не нужно было просить о чем-то дважды. Он так же приветливо кивал головой людям, идущим на встречу. Пара бы слилась на дороге со всеми, если бы не притягательная любопытному взору одежда Тонуна.

– Что случилось, Горбен? – Спросил его мужчина, когда они завернули туда, где их никто не мог услышать.

– Где остальные?

– Упражняются. Сегодня мы были освобождены от королевских забот.

– Да, я и забыл, – Горбен вздохнул. Ему не хотелось отрывать друзей от боевой тренировки, но и разговаривать с каждым поодиночке он не собирался. Все-таки, он король.

Джоан шагала ногами короля продолжая разглядывать все встречающееся на пути. Она обвыкла в новом теле и уже почувствовала себя, как дома.

Герб Элрога развивался на ветру. Он ничуть не изменился. Меч с рукояткой в форме шеи и головы лошади, что протыкает книгу насквозь.

Значит, библиотека уже существовала тогда, но где все книги с историей до правления Гофара?

Они шли не в ту сторону, где обычно обучались мужчины боевому искусству в настоящем времени. Город еще не был настолько застроен, и тренировочная площадка находилась дальше, где сейчас настроили дома для мелких лордов. Оказавшись в нужном месте, где десятки знатных мужчин упражнялись, Джоан пыталась угадать, кто из них остальные друзья Горбена.

Прежде, чем она остановила свой выбор, к ним подбежал мужчина, а за ним сразу второй. У него была сильная одышка.

– Гурнон, Бисох, за мной, – голос Горбена был немного строже, чем когда он разговаривал в комнате с братом, но это все только при людях. Когда они оказались вчетвером в небольшом трактире с выделенной отдельной комнатой, все мужчины разговаривали на равных. Они

развалились на стульях, ожидая новостей, но король не торопился и сначала заказал для всех выпивки.

Гурнон светловолосый и коротко стриженный. Ростом ниже друзей, но при этом все равно высокий. Его телосложение крепкое, и доброжелательное лицо расплылось в довольной улыбке. Тренировочная рубашка еще была мокрая от пота в том месте, где прежде прилегали кожаные доспехи, но мужчина уже выглядел отдохнувшим.

– Тебе нужна наша помощь? – спросил Гурнон, не дождавшись рассказа друга. – Всегда к услугам, чтобы ты не попросил.

– Однажды он прикажет нам сброситься со скалы, и ты послушаешь его? – усмехнулся третий.

Бисох.

Из всех четверых, он был самым грузным. В его руках булава была бы игрушкой а не оружием. У него единственного росла густая борода. Рыжая борода. Он лениво поглаживал ее, как любимую женщину. Вот ему точно стянутый камзол был маловат. Казалось, еще один перекус, и нитки не выдержат такого натяжения. Видимо мужчина надеялся на создание более точеного силуэта, но делал только хуже. Удивительно, как одежда не треснула во время тренировочных боев. Скорее всего, Бисох просто сносил врагов и затапывал как бык. Джоан подумала, что он единственный, кто смог бы составить конкуренцию в бою с Ардой. При такой массе его мускулы запросто снесут даже ворота в город.

– Я никогда бы не приказал вам сделать что-то с собой, Бисох, – усмехнулся Горбен. – Но все же то, о чем попрошу, может оказаться опасным.

Все мужчины отклеили спины от стульев и нагнулись к столу, внимательно слушая. Именно в эту секунду зашел трактирщик с выпивкой, а за ним мальчишка, который нес горячие блюда. Жирный запеченный поросенок красовался на подносе. Бисох сразу изменился в лице, будто ребенок, радующийся новой игрушке и произнес не размыкая губ довольное «ХО-ХО-ХО». Когда дверь захлопнулась, Горбен продолжил под чавканье рыжебородого здоровяка.

– Я отправляюсь в Медеус.

После этих слов от троих мужчин раздался гул настолько громким, что Джоан показалось, как она снова оказалась в пирном зале среди десятков людей.

– Что ты забыл у Фриелей? Они мрачные как тучи в самый пасмурный день, – скривился Гурнон. – Еще называют себя любителями искусства и веселья. Они даже когда танцуют под волюнки, морды у них кислые, как алосские лимоны, причем не зрелые.

– У них новый король. Тахор. Он предлагает мне жениться на его старшей сестре.

– Не говори, что ты дал согласие, – ответил Тонун, и Джоан что-то заметила во взгляде этого человека.

Он был ей чем-то знаком. Мужчина казался доброжелательным, но сидел, опустив голову вниз, а вот взгляд направлял вверх. Она продолжила слушать, отмахнувшись от странного ощущения.

– Еще нет. Я хочу отправиться туда, чтобы познакомиться с Изабель.

Бисох шумно выдохнул сквозь сомкнутые губы и его слюни вперемешку с жиром обрызгали руку Гурнона. Тот в свою очередь, вытерся об озадаченного мыслями Тонуна, который, так и не заметил, как его богатой одеждой воспользовались, вместо полотенца.

– Если откажешь, Тахор может оскорбиться. Он еще мальчишка, но, наверное, из всех королевств, я бы меньше всего хотел ссориться именно с Медеусом, – размышлял вслух Тонун.

– Я еще не решил, буду ли на ней жениться, и созвал вас для другого предложения.

Все снова смотрели на Горбена. Джоан видела, как преданно они готовы идти за своим королем куда угодно. И когда он спросил, то ни в одном она не увидела и капельки сомнения, чтобы отправиться вместе с ним в Медеус.

– Ты наконец-то похудеешь, Бисох. За последние пару лет уж слишком разожрался, – подстегнул худощавый Тонун.

– Лишний вес не мешает мне проломить твою башку.

Джоан уже подумала, что они между собой не дружат, но заливной смех мужчин дал понять, что это шутка. Теперь она развеяла миф о том, что самые неуместные шуточки мог выдавать только Уильям, ее самый близкий друг.

– Ты уже известил Тахора? – Поинтересовался Гурнон.

– Нет. И думаю, известим, когда уже будем на подходе к Медеусу. Пусть это будет для него сюрпризом.

– Да и бабу дразнить не надо. Изабель каждую ночь спать не будет, дожидаясь тебя в нагретой перине. А так, счастье свалится внезапно, – Бисох заканчивал трапезу. – Неожиданность действий – прекрасный способ докопаться до чего-то скрытого от любопытных глаз.

Бисох обсосал пальцы, перепачканные пороссячим жиром, но они все равно остались грязными и скользкими. Он хотел вытереть рот об рукав Тонуна, потянув его руку через Гурнона, но в этот раз тощий заметил покусение на дорожную одежду и вырвался из лап смеющегося здоровяка.

– А вдруг я ей не понравлюсь? – заволновался Горбен. Он все же не был настолько самоуверенным, не смотря на то, что был красив. Слишком красив.

Здоровяк опять обрызгал всех слюной.

– Хоть одна баба могла устоять перед тобой?

Джоан снова почувствовала, что падает. Ее словно вырвали из тела лапами и затащили в скалу. В мрачную, промозглую скалу, где догорал одинокий факел.

Визайтон отпустил её руку, и бросил кость на каменный пол, отойдя на несколько шагов назад.

Он смотрел на нее, снова исподлобья. Вглядывался своими белыми глазами с черными точками вместо зрачков. На лице не было ненависти или радости. Оно отражало пустоту, в которую страшно взглянуть.

– На сегодня все, принцесса Джоан. Представление окончено. Приходи в другой день.

Он учтиво поклонился.

– Я хочу с тобой поговорить, – сначала она сказала это грубо, но потом, смягчившись, прошептала. – Пожалуйста, Визайтон.

Он прилег на каменный пол, а под голову положил скомканную рубашку, как подушку. Вот почему он был наполовину голым. Ей даже стало жаль его, но существо убивало Гаррета изнутри, и она закричала от безнадежности.

– Поговори со мной! Скажи, как вернуть Гаррета, и я смилуюсь над тобой. Скажи, чего ты хочешь?

Визайтон сомкнул веки. Он лежал, скрючившись, рядом со скелетом принадлежавшему когда-то королю Элрога, за жизнью которого она только что подглядывала.

– Скажи, чего ты хочешь?! – ее крик был настолько громким, что даже крысы в испуге побежали в сторону выхода, а Визайтон так и молчал.

Она сидела на холодном камне, наблюдая, как дышит этот злодей. Его дыхание ровное, спокойное, тихое. Существо выглядело спящим, и каждая морщинка на лице разгладилась, а мускулы расслабились. Теперь он стал Гарретом. Желание открыть решетку и лечь рядом с ним не покидало без того помутненную голову. Отец ее ребенка лежит полуголым на влажной плите, а она только наблюдает и не может помочь.

Чувствует ли он ее присутствие? Хочет ли обнять так же, как и она? Догадывается ли о ребенке? А может, знает, как себе помочь? Как же заставить его поговорить с ней?

– Гаррет? – прошептала она.

Все что слышалось вокруг, так это только отдаленные пiski крыс, которые постепенно возвращались по клеткам в поисках пропитания. Начались бои, слабейший либо погибал либо его сжирали заживо. Это было настолько мерзко и оглушительно, что любой человек бы зажмурился и убежал прочь. Но Джоан настолько не хотела возвращаться в покои, что продолжала разглядывать окровавленные морды.

Одна из крыс оказалась смелой и подобралась к Визайтону слишком близко, желая спастись свежую плоть. Тело мужчины настолько внезапно рванулось, что тварь не успела даже прикоснуться к нему. Между полом и ладонью словно и не было пойманного животного. Только лепешка. Ни одной целой косточки, только месиво из раздавленных органов.

– У Гаррета красивое тело. Не хочу, чтобы его испортили раньше, чем придет время для смены сосуда, – медленно повернув голову, прохрипел он ледяным голосом.

Заболел от холода и сырости?

– А ты силен, Визайтон.

– Почему ты еще здесь? Иди, ублажай мужа, пока еще способна. Не только с ванпулами же делить ложе.

У Джоан побледнели кисти, настолько сильно сжались кулаки.

– Я найду способ уничтожить тебя!

– Удачи. Даже если Горбен снова мысленно заговорит с тобой, поверь, это не поможет. Поэтому, твои угрозы бесполезны. Даже Владыка меня не убьет. Никто меня не убьет, помни это.

– Ты вернешь мне Гаррета.

– Не верну. Не хорошо говорить такие вещи замужней женщине. Измена... Раньше за это били плетью, отрубали голову, вешали в конце концов. Никогда не любил Фриелей, знаешь. Ты их отродье и никуда от этого не убежишь.

– Теперь я Фонтегорн.

– А Эрик знает о том, что было между тобой и Гарретом? – Визайтон будто волновался за принца Элрога.

– Уже знает. Убегать от прошлого я не собираюсь. Мне плевать на все придворные правила, потому что выросла в лесу. Да. Я дикарка. И ничья фамилия это изменить не сможет. Никто не будет диктовать правила как мне жить, иначе я передумаю спасти задницы людей.

– Главное, чтобы ты не передумала тогда, когда будет поздно. Люди должны исчезнуть. Такова их судьба.

Глава 3. Слабости

Эрик сидел за столом. Уже вечерело, а он до сих пор не ел с прошлого утра. Джоан все ещё не вернулась, и он хотел попросить Уилла сходить за ней, но все не решался. Не хотел показывать свою слабость. Но она нужна ему, потому что рано или поздно родит ребенка. Его законного сына. Настоящего наследника а не бастарда.

Когда дверь открылась, Эрик сделал вид, что ему все равно кто пришел. Он выпрямился на стуле и с умным видом читал книгу. Вот только взгляд носился по буквам, а они разбежались от него в разные стороны. Так он и не понял, о чем прочитал текст, пока его не отвлекли от страниц.

– Джо так и не пришла? – это был не ее голос и Эрик все же поднял взгляд.

– Ушла к Гаррету с самого утра. Мне нет дела до распущенной девки. Хоть она и моя жена.

– Гаррет мертв. Тебе нужно было давно сказать нам, что она не вернулась. На смотровой её нет. Дубовая дверь закрыта, Эрик. Ни я, ни Анункасан не можем туда попасть, – Уилл подошёл вплотную к столу.

– Она забрала мой ключ. Другого у меня нет.

– У твоего отца есть. Ты говорил и о третьем.

Эрик раздражённо смял бумагу, что попала под руку. Письмо от одной из бывших любовниц, которая по-прежнему питала к принцу теплые чувства. Ему это больше не особо интересно. Все эти женщины пустышки. Была кроме Джоан единственная, которая еще как-то могла согреть его душу, но и сейчас ему не до нее.

– Уильям. Знаешь ли ты, что до вашего появления в моей жизни, я был самым счастливым человеком?

– Знаешь ли ты, принц Эрик, что я никогда не был счастливым человеком и почти всю свою жизнь прожил в лесу. Мне нет дела до того, как ты проводил свое время раньше, как и тебе нет дела до меня и всех остальных. Оглянись вокруг. Ты считаешь, что всегда будешь жить беззаботно, наплевав на других людей. Но вернемся к началу разговора, сейчас речь о Джо. Ты достанешь ключ?

Эрик хотел, чтобы Джоан скорее вернулась, но он не мог признаться в этом даже себе. Сейчас он снова старался набить себе цену, и впервые это делал настолько напряжённо. Раньше его не волновало, что о нем подумают, он был самим собой. Джоан его сломала и разрушила идеальную жизнь. Теперь он обдумывает каждое слово.

– Я достану ключ. Но к отцу не пойду. У его главного советника лежит третий.

– Почему не у отца? – поинтересовался Уилл.

– Потому что из-за неё он меня больше не уважает. Выставляет посмешищем. Он боготворит эту дрянь, а я стал никем в его понимании. Родной и единственный сын стал ничтожеством в глазах родного отца. Вот уж спасибо за такие добрые услуги от любимой жены. Он даже меня так никогда не любил.

Уилл опустил голову. Что он мог сделать для них? Толком ничего.

– Мне жаль, Эрик. Но ведь Чарльз не знает правды, мы понимаем это. Однако почему он так поступает с тобой? Уверен, он любит тебя.

– Я вчера не справился. Сказать пару слов... Я не смог. Они все смотрели на меня, а перед ними залюбленный принц выглядел трусом. Все знали, что я не хотел жениться на ней когда уезжал отсюда, а сейчас, выглядит так, что я и ребёнка не хотел. Они ведь ждут его. Все в двух королевствах ждали детей от наших с Лоттой браков. А в итоге, что получилось?

Сестра рожала только мертвых детей, а у меня и вовсе скоро будет бастард, носящий не по праву фамилию моих уважаемых предков. Что за проклятие пало на нашу семью?

– Если тебе интересно, то я не знал о том, что они с Гарретом... Он никому не рассказывал и она тоже.

Эрик кивнул, сам не понимая, полегчало ли ему от этой информации. Скорее да, потому что обиды на Уилла больше не держал. Парень ведь не причем и всегда проявлял дружелюбие независимо от того, кто и что натворил. Он не виноват в ошибках окружающих его людей. Дебильные шутки Уилла были по душе только Фреду, но и это не отталкивало принца от ванпула.

– Пойду за ключом. Жди у себя в комнате.

Эрик искал главного советника короля, но он нигде не появлялся. Фелон Хоррис будто провалился сквозь землю. А вот Фред случайно нашелся. Друг стоял в одном из коридоров и разговаривал с Розалин, которая захватила его в словесный плен.

Только её сейчас не хватало. Как бы Эрик не скучал по бывшей страстной невесте, в данный момент, от нее могут быть проблемы. Эта женщина не отличалась покладистым характером, поэтому нужно ее задобрить до того, как она успеет разозлиться и спустить свой гнев прямо здесь в коридорах замка. Ну за что ему все эти проблемы от гадкой принцессы Джоан.

– Принц Эрик, – сказала она, даже не повернув к нему лицо. – Поздравляю с ожиданием первенца. Надеюсь, заделать его было так же приятно, как и вчера рассказывать об этом. Все обсуждают вас больше, чем наследника.

– Фред, идем.

Совсем не время реагировать на колкости обиженной дамы. Отчасти, он ее понимал, но и признаться, что нуждается в ней сейчас, на данный момент, не собирался.

– Ты не видишь? Мы разговариваем. Или беременность жены тебя ослепила?

Эрик понял, как сильно скучал по её скверному характеру. Вот почему именно с ней он собирался связать тебя брачными узами. Страстная, гордая, красивая, смелая, дерзкая... Она так и не стала его женой.

– После того, как я поговорю с Фредом, то могу навестить и тебя. В спальне, – шепнул он ей на ухо, от чего она замахнулась на него, но Эрик успел поймать кисть перед самым лицом.

Проходившие мимо зеваки остановились. Её могли наказать за это. Позорный столб или удары плетью, но она улыбалась, и её ноздри раздувались от злости.

– Найми себе шлюху, если беременная жена перестала с тобой спать! – огрызнулась она.

– Пойдём, Фред.

Эрику удалось увести друга из плена этой бесстрашной женщины. Видимо принца тянуло к отношениям с приключениями. Не зря ведь поведение Джоан настолько задевало еще до того, как он узнал о ребенке. С такими девушками никогда не заскучаешь. Ему захотелось освежить в памяти, какие горячие ночи он проводил с Розалин. Уйти к ней и забыть обо всех проблемах.

– Что опять произошло? Выглядишь не очень.

– Нужен твой отец. Я нигде не могу его найти, а у него ключ от входа в тюрьму.

– Он уехал из города на рассвете.

Эрик закатил глаза. Как же надоели все эти происшествия, которые происходят так не вовремя.

– Может у тебя есть ключ и от его комнаты? Вдруг его тоже приходишь будить по утрам.

– Нет у меня ключа, Эрик. Может, у своего отца попросишь?

– Проклятая Джоан. Я не пойду к нему из-за выходов этой гадины. Сидит там, в тюрьме со своим любовником, закрылась и думает, что я сдыхаю без ее любви.

– По-моему, в последнюю очередь ее интересуешь именно ты. К сожалению.

– Может пусть она там и остается? Закроем с другой стороны приколоченными досками.

И я стану свободным.

– Ты совсем спятил. Она же вышибет эту дверь без чьей-либо помощи. А потом и мозги наши вылетят со скоростью летящего ястреба на охоте. Я на такое не подписывался.

– Нам нельзя заходить в тюрьму. Людям там не безопасно. Уилл ждет, когда я найду долбаный ключ, чтобы вытащить ее оттуда.

– Я достану ключ, Эрик. Но не раньше, чем мой отец вернется. Понятия не имею, когда это произойдет. Я не посвящен во все его планы.

Эрик заметил приближающегося Уилла. Тот махал рукой как полоумный и два друга направились к нему. Парень вызывал подозрения у окружающих, но меньше всего мужчин волновало именно это. Судя по возбужденному и радостному выражению лица ванпула, произошло что-то хорошее.

– Я нашёл вас по запаху, – протараторил довольный Уилл, а Эрик и забыл про обоняние пса. – Она вернулась.

– С ней все в порядке? – спросил Эрик, сам не ожидая от себя, что выдаст легкое волнение.

– Выглядит изможденной. Думаю, после сна станет лучше. Завтра узнаем, что ей удалось выведать у этого существа.

– Пусть спит. Сегодня я не потревожу ее.

Фред подозрительно взглянул на Эрика.

– Останешься у меня? – спросил Фред.

Уилл вопросительно прищурился на принца, и тот положительно кивнул.

– Я могу присоединиться к вам?

Уилл так сильно хотел веселой компании, посмеяться и расслабиться. Фред ему стал слишком родным, как брат, но он совсем забыл, что принц для парня будет всегда на первом месте.

– Нет, Уилл. Мы не собираемся всю ночь выпивать и вызывать шлюх. У меня есть и королевские дела, которые я решаю только с Фредом. Ступай в вашу с Араксаном и его отцом комнату. Или присмотри за Джоан.

– Ладно, я всего лишь думал, что вам захочется компании.

– У нас еще есть кое-какие дела в замке, так что ждать или ходить по пятам не имеет смысла.

– Ну. Тогда до завтра.

Уилл уже не такой довольный побрел обратно на верхний этаж, пока Эрик и Фред продолжили прогулки по коридорам.

– Зачем ты прогнал его? Он ведь самый безобидный из всех, кого я знаю.

– Чтобы ничего не доложил Джоан.

– Так ты все же не останешься у меня?

– Нет. Сам видел, кто ждёт сегодня ночью в своей постели могучего принца Эрика.

– Ты бы аккуратней, Эрик. Я прозову тебя королём бастардов, если Розалин понесет. Ну если так и случится, в ней мы точно уверены, что не от кого-то другого.

– По-моему, я обречен состояться только не настоящим законным отцом, – Эрик усмехнулся над собой. – Еще один незаконнорожденный мне ни к чему.

Принц ещё не был уверен, хочет ли он сейчас связи с женщиной, но все же Розалин могла помочь снова поверить в себя. Да и способности убить его одной пощечиной у нее не проявлялись. И он решил.

Ее комната была по-прежнему в замке, на три пролета ниже его собственной. Даже после разрыва помолвки, Чарльз дал право оставить ей покои, потому что лично претензий к девушке не имел, но и симпатии не испытывал. Скорее всего, Аелис сжалилась над ней и так повлияла на решение короля. Ей было искренне жаль, что их помолвка с сыном так и не переросла во что-то большее. Раньше она с Розалин вместе проводила время за вышиванием или пением, но

теперь у королевы была новая невестка, поэтому в память о дружбе, девушку никто не трогал. Аелис любила даже паучков, такая же добродушная, как и Лотта.

Стучать долго не пришлось. Она открыла ему, как только его костяшки коснулись двери. Эрик учуял запах самого дорогого масла на её теле. Он сам когда-то подарил ей этот аромат. Розалин успела сменить платье на одно из своих самых вульгарных. Она ждала, и ему полегчало, потому что хоть кому-то он был все ещё нужен.

– Зачем ты пришёл? – возмущённо спросила Розалин. – Хочешь, чтобы пощечина все же достигла твоего лица?

– Я по тебе скучал.

– Ты женат. Забыл?

Эрик мягко протолкнул её обратно в комнату и закрыл дверь. Когда он прижался к ней, она наигранно сопротивлялась, но все же стон её предательски выдал.

– Ну, это не мешает тебе шпионить за мной.

– О чем это ты? – и придыханием спросила она, и он ослабил хватку, и отошел, чтобы налить вина.

– Ты подсылала своих служанок к ней. Бесплезная затея. Джоан их выгнала, оставив одну новенькую. Кажется с рыжими волосами. Видимо у нее пристрастие к рыжим коням или волосам.

– Мелисса не моя служанка. Остальные уже доложили, что твоя жена неуравновешенная дрянь.

– Прямо так и сказали?

– Не тронь моих девушек.

– Я бы на твоём месте аккуратнее выражался в адрес моей жены. Уверена, что доверяешь им? – в вопросе промелькнула усмешка.

– Больше, чем тебе. Ты бросил меня, изменил с дикаркой, и сейчас завалился сюда, будто ничего не произошло.

Розалин даже не догадывалась, что и её личные служанки побывали в его постели до того, как он стал женатым мужчиной.

– Если бы я мог, то не женился на ней, и ты прекрасно понимаешь это.

– Я видела, как ты смотришь на изуродованную девицу.

– Не так уж она и уродлива.

– Фред постарался скрыть её недостатки.

Как же мало Розалин знает. Сейчас она выглядела наивной девчонкой. Легкая добыча. Теперь любая женщина стала слишком доступной кроме одной, но он снова попытался выбросить её из головы. Не для этого он пришел к Розалин, чтобы вспоминать о неудачах с женой.

– Признаюсь, что не равнодушен к ней. Но я мужчина, и ты всегда закрывала глаза на мои слабости.

– Если бы ты стал моим мужем, я бы и дальше закрывала на это глаза. Но теперь ты не получишь меня. Я не твоя шлюха.

– Конечно, нет. И в мыслях не было сравнивать тебя со всеми. Ты особенная.

Он заметил легкое поощрение за эти слова на её лице. Её губы приоткрылись в ожидании, что он продолжит дарить ей комплименты. Поэтому нашептывать заклинание не казалось уже таким сложным делом. Здесь, в этой комнате наедине с ней, он снова стал собой.

– Прекрати, – смущенно вырывалась она из объятий.

– Ты делаешь меня счастливей. Ты та, без кого я не могу уснуть ночью. Ни одна женщина для меня не была столь желанной, как ты.

Как же легко управлять женщинами. Человеческими. Даже с Розалин просто красивые слова действовали как магические трюки. Она забыла даже о том, что не стала его законной

женой. Сейчас для нее было важно то, что он желает ее больше, чем кого-либо. А главное, победа над самодовольной дикаркой.

Эрик не любит фриельскую девицу, он любит меня. Все что было необходимо знать Розалин для того, чтобы уложиться под него.

Он овладел ею с пристрастием. Слишком долго терпел и ждал. Несколько месяцев прошло с того дня, когда у него состоялась полноценная ночь с Розалин. Такой перерыв не шел ему на пользу, поэтому и капли сомнения в своих действиях у него больше не было. Да и угрызений совести тоже.

Эрик схватил её за волосы и развернул спиной, уткнув голову в подушку. Он чувствовал, как мстит. На какое-то время ему стало легче, потому что перестал видеть лицо не той, о которой мечтал. И все же закончил на её спину и пощечину получил, как благодарность за оскорбление. Как же хорошо, что теперь перед ним не монстр, и он мог делать что хотел и как хотел.

Остался принц ночевать у Розалин. Она спала у него на груди, а он понял, что ему не полегчало. Посреди ночи он разбудил её, чтобы взять ещё раз и женское тело было податливым. В какой-то момент она даже вскрикнула от его грубой силы, но он опомнился, что это не Джоан и смягчился.

Эрик так и не уснул. Он вышел ранним утром, когда ещё не рассвело, а Розалин продолжала сладко спать. Видимо уж очень устала, трудяга.

Ему не привыкать красться по замку, чтобы его не заметили после ночных походов. Кажется, Эрику не хватало этих острых ощущений, потому что скрывать свою распутную жизнь он научился еще в юности. Все знали только о тех женщинах, которых он и не скрывал. Большинство осталось секретом, как для отцов, так и для мужей. Этим он очень гордился. Но любимые, греющие душу воспоминания, упорхнули, как мотыльки, попали под грозу и исчезли.

Эрик старался зайти в комнату как можно тише, но все было зря.

Джоан не спала. Она сидела за столом, а её свеча не сгорела даже наполовину. Видимо зажгла недавно. Оправдываться желания не возникло, и после происходящего ночью он вернул себе чувство достоинства.

– Где ты был?

– Не твое дело.

– С той черноволосой? Как ее... Розалин, – она говорила об этом настолько спокойно, будто он просто упражнялся на мечях всю ночь, а не кувыркался с любовницей.

– Какая разница, Джоан? Если хочешь, чтобы я оставался с тобой, ложись на подушки и раздвинь ноги. Тогда я подумаю, стоит ли ночевать в этой комнате, разделяя кровать с чудовищем.

– Я не могу сейчас забеременеть твоим ребенком, пока не родится первенец. Зачем же тогда мне ложиться с тобой? – Это была не шутка, ее действительно озадачило его заявление.

– Чтобы я не ходил к другим, – негодуя, возмутился Эрик. – Что тут непонятного? Я мужчина и у меня есть потребности. Если ты не идешь мне на встречу, значит, буду продолжать искать выход для удовлетворения собственных желаний. Вот и все.

– Это твоё условие? Чтобы мы сношались по ночам?

– Да. Именно так.

– Можешь дальше ночевать не здесь.

Эрик стукнул рукой по столу, но она даже не дернулась. Угрожать бесполезно, но и собственные интересы нужно защищать.

– Ты недостаточно меня опозорила?

– Я этого не хотела. Мне вообще не было до тебя дела, пока я не померла прямо в грязи под дождем. Сейчас все изменилось. Я обязана вас защищать. Тебя в том числе.

– А чего же ты тогда хотела, Джоан? До замужества.

– Жить в лесу с Гарретом. Все, о чем я мечтала с тех пор, как вырвалась из ксанфата, – она сказала это серьезно, он не заметил в её голосе издевательства. – А ты?

– Я хотел каждую ночь менять женщин и пить вино, – она тоже поняла, что он не шутит.

– Ты не хочешь быть королем?

– Хочу, но... Я уже не знаю, чего хочу. Ради престола я согласился жениться на тебе. Отец угрожал лишить меня всего, но оказывается, теперь это делаешь ты. На что я только согласился. Он бы все равно не лишил меня трона, ведь я единственный сын. Мама уже не молода, чтобы родить еще детей.

– А мне не угрожали. Уговаривали. Твоя сестра Лотта очень просила... Даже Гаррет... Он тоже говорил, что так будет лучше для всех нас. Я им верила, пока не пришёл день твоего приезда. Мама мне тогда остригла волосы. В ксанфате считается, что чужая рука состригает удачу. А потом свадьба и ты...

– Я просил прощения за тот поступок. Уже много раз. Я не чудовище и не жестокий принц. Мне жаль, что оставил тебя в брачную ночь после случившегося...

– Научи меня читать, Эрик, – перебила она. И это после того, как он открылся, посчитав, что нашел способ общаться с женой.

Джоан впервые посмотрела на него умоляюще. Он не помнил, чтобы она просила так о чем-то, поэтому раздумывал, и так хотел отказать в отместку за все унижения. Ведь она предательница. А теперь она просит. Будто ничего не произошло. Будто они близкие друзья, или крепкая супружеская пара. Ему хотелось шантажировать ее за каждую просьбу, но все же решился заново выстроить доверительные отношения.

– Раз нам не спится, хорошо, – поддался он искушению, чтобы снова попытаться добиться ее расположения.

Эрик взял чистый лист бумаги и опустил перо в чернильницу. Он медленно выводил буквы и читал вслух. Она повторяла за ним и после третьего круга запомнила все буквы. Но теперь он писал слоги, и они давались намного труднее, ведь каждое сочетание букв давало разные звуки.

Свеча догорела, но в комнате не стало темнее. Их покои находились с восточной стороны, и лучи солнца зажгли помещение. Эрик лениво зевнул, прикрывая глаза от яркого света.

– Может, пойдём уже спать?

– Новый день наступил. Мне нужно идти к Визайтону.

Эрик фыркнул.

– Опять?

– Я должна узнать, как уничтожить его.

– Он тебе прям и скажет. Ты вроде такая всемогущая и вселяющая ужас тетя, но при этом по-прежнему бываешь наивной дурочкой.

– Он показывает мне, как все начиналось. И сам ты дурак. Я вчера видела его.

– Кого?

Джоан заерзала на стуле. Она была не готова ещё рассказать, что некогда король Элрога Горбен стал Владыкой, а древний предок Эрика Гофар был его племянником. Но и врать она не собиралась, достаточно лжи в без того хрупком перемирии. Просто немного недоговорит.

– Гофара. Я видела короля Гофара. И его отца. Ты очень похож на них. Особенно...

– Глазами?

– Да. Просто не отличить! – восхищённо воскликнула она.

– По всей мужской линии передавался цвет лакриновых глаз. Лотта одна из немногих женщин, кто обладает таким цветом в нашем роде. Но даже если бы её дети выжили, после родов... Она говорила, что ни у кого из них не было такой синевы. Ни одна дочь Фонтегорнов не родила ребёнка с лакриновыми глазами. Так и в книгах написано.

– У тебя правда невероятно красивые глаза. Я люблю на них смотреть.

Эрик не сразу понял, что уставился на неё в удивлении. Что она имела ввиду, и что хотела этим сказать. Но, привыкая к Джоан, он понял, что она просто правда считает его глаза красивыми и ничего больше.

– И все же, ты предпочла зеленые.

– Глаза Гаррета. Это было первое, что я увидела после того, как очнулась в их поселении. И его огненные волосы. Мне казалось, даже ночью он может освещать ими путь. Его ванпул – конь, тоже горел как пламя.

– Я не хочу о нем ничего слышать. Когда ты уже поймешь?

– Извини. Не думала, что тебя это раздражает. Мне пора, Эрик. Спасибо за уроки чтения. Ты прекрасный учитель.

Она торопливо захлопнула книгу и подошла к тазу со свежей водой, чтобы умыться, и придать более свежий вид лицу.

– Тебе не стоит ходить туда одной. Вчера мы все волновались. Не забывай, что ты беременна. Раз уж мне запрещено там появляться, ты должна находиться в сопровождении ванпулов.

– Я потеряла счёт времени. Но, возможно, ты прав. Надо разбудить Уилла.

– Ты родишь мне родного сына? – Эрик уже подумал, что из-за пяти минут мирного разговора она согласится. Попытка провалилась.

Джоан безнадежно выдохнула и ушла, закрыв за собой дверь.

Мелисса шагала ей на встречу по коридору.

– Вы уже сами собрались, принцесса? – склонив голову, спросила она.

– Да. Ты можешь быть сегодня свободна.

– Я надеялась, – девушка потупила взгляд и потом замахала головой. – Ничего. Простите.

Я слишком дерзкая.

– Ты ничего не попросила. Я могу что-то сделать для тебя?

– Вы не знаете, где Фред?

Джоан мельком улыбнулась.

– Между вами что-то есть?

– Нет. Он меня абсолютно не замечает. Вот я и подумала... Но, конечно, я не достойна его.

– Брось. Я бы сказала наоборот. Он разгильдяй и гулена. А его отец упрямый и вечно недовольный. Я не самый опытный человек в любовных делах, не знаю, что могу сделать в таком случае.

– Просто, может, при удобном случае, вы сможете обо мне обмолвиться словечком, – Мелисса покраснела, и сжала губы в стеснительной улыбке.

– Конечно. Как только увижу его, обязательно расскажу о тебе. А что надо говорить в таких случаях? Что он тебе нравится?

– О, нет, принцесса, только не это. Расскажите ему, что вы обо мне думаете.

– А ты не боишься закончить как та служанка, у которой ты роды принимала?

– Я не хочу с ним спать. Я всего лишь хочу ему понравиться.

– Мне казалось, Фред спит с каждой, кому он нравится, – непринужденно рассуждала Джоан.

Мелисса побледнела. Даже если она об этом и знала раньше, то услышать от принцессы было равносильно удару по сердцу кулаком. Да еще и верх неприличия.

– Лучше ничего не говорите ему обо мне, – пискнула она и Джоан пожалала плечами. – Я могу идти?

– Конечно., – ответила Джоан и указала в сторону лестницы вниз.

Она абсолютно не подумала, что так сильно расстроила Мелиссу. Пожив в замке, принцесса узнала, что практически все мужчины занимаются этим, и тем более Фред. Да еще и на пару с Уиллом заглядывает в бордель. Джоан, конечно, не поняла, что высказалась слишком прямо. Наверняка, молодая служанка хотела услышать что-то другое. Более пристойное.

Уже забыв о Мелиссе, Джоан двинулась к цели. Комната Уилла оказалась не запертой. Она тихо вошла туда, боясь разбудить Араксана. Оба мужчины спали на разных местах, кровати и диване. Когда она хотела разбудить Уилла, то услышала сиплый родной голос.

– Не буди его. Сегодня я сам пойду с тобой в тюрьму. Я прилетел, чтобы помочь, но до сих пор мне не удалось остаться с тобой наедине. Хотел бы я узнать о том, что ты чувствуешь.

Джоан кивнула Анункасану. Уилл заерзал но не проснулся. Сторожевая собака из него бы вышла никудышная.

Вождь шел бесшумно, словно летел. В его присутствии ей стало легче двигаться в тюрьму.

– Уильям сказал, что дракон исчез из твоей головы. Какие ощущения остались от Владыки?

– Все так же, как и было перед превращением. Только лучше слышу, вижу, чую запахи. Не знаю, что я еще должна чувствовать. Надеялась хоть что-то узнать от вас.

– Я и так мало о нем ведал, а твое положение создает неопределенности. Жаль, что ты больше не можешь с ним вести переговоры.

– По-моему, он и сам не хочет. Будто струсил. Сбежал.

– Не говори так о Владыке. Возможно, ваше с ним общение не безопасно для твоего сына...

– А общаться с Визайтоном безопасно?

– Джоан, возможно, Владыка бы помог нам, если только мог.

– Вы бы так никогда не оставили нас.

– Ты должна всегда помнить, что насколько бы не верила, доверяла и понимала близкого тебе человека, ты никогда не сможешь до конца знать, как бы он поступил в том или ином случае. Обстоятельства могут измениться, как и выбор того или иного действия.

– И все же. Боюсь, выбор от кого узнать что-то новое, у нас не велик.

Когда они подошли к двери, прежде чем открыть ее, он с пониманием помедлил, зная, что Джоан хочет еще что-то сказать.

– Мне и ребенку ничего там не угрожает. И вам тоже, но я не хочу, чтобы вы встречались с Визайтоном. Очень больно видеть, как в теле Гаррета живет это существо.

– Мы отправимся вместе, дитя. Я должен помогать, и думаю, что мне будет больно не меньше, чем тебе. Такова участь бессмертных. Всегда помнить о тех, кого потеряли. Уж я за столько лет смирился с этой участью.

Она кивнула. Они торопливо поодиночке перешли мост и зажгли факелы.

Визайтон ждал. Он стоял в такой же позе, как и в прошлый день, с расставленными на ширине плеч ногами и напряженными вытянутыми по бокам руками.

– Сегодня принцессу сопровождает сам вождь Анункасан. Как же ты мог допустить, что вчера она явилась ко мне одна? Ты плохой наставник, Анункасан. Гаррет погиб и по твоей вине. Всего лишь вам нужно было сразу лететь сюда вдвоем, а не отпускать его одного.

Джоан пристально наблюдала за Визайтоном, который смотрел неизменным взглядом исподлобья. Он прижался телом к толстым прутьям решетки и ждал.

– Откуда тебе это известно, что мы должны были лететь вместе?

– Ты самый глупый из проводников? Я визийя. Горбен рассказывал о нас всем четырем проводникам на континентах. Ах, да. Ты же не первый из проводников... Как звали твоего отца? Акацито? Кажется, так. Ох уж эти заморские имена. Ни выговорить, ни запомнить.

Джоан заметила, как Анункасан дрогнул. Она взяла его под руку, и не знала, как помочь справиться с воспоминаниями.

– Как? Как ты узнал? – Прошептал Анункасан.

Визайтон раздраженно показал на свою голову и теперь взглянул на Джоан.

– Хватит копаться у Гаррета в воспоминаниях! – Закричала она и ударила по решетке ладонью.

– Душа Гаррета слабеет с каждым днем, и я вижу все больше.

– Значит, он еще жив? – с надеждой спросила она.

– Он обречен, Джоан. Ему невозможно помочь. Даже если бы я хотел, то не вернул бы его. А сейчас он смотрит на тебя, и вспоминает, как завладел несчастной принцессой в ту ночь. Ты была такая жалкая, нуждалась в поддержке. Все как ему нравилось. Жалость управляла его головой.

Джоан зарычала.

– Гаррет не знал, как звали моего отца. Никто не знает на этом континенте, – Анункасан подозрительно наблюдал.

– Неужели? Никто на континенте, кроме... Кроме трех визийя. Один из нас даже лично общался с ним на твоей родной земле, Анункасан. Он видел тебя еще крошечным младенцем. Это был Визайбис. Слуга будущего.

– Кроме Владыки никто не стоял и одной ногой на других землях за морем.

– Ошибаешься. Визайбис стоял. Полноценно двумя ногами. Он летал на драконе. На Горбене, – усмехнулся Визайтон.

– Я пришла сюда, чтобы продолжить узнавать прошлое, – она протянула руку.

Он быстро отстранился от решетки, будто она стала раскаленной, и сделал несколько шагов назад. Его словно что-то напугало.

– Не сегодня, принцесса.

– Ты сказал приходить в другой день!

– Джоан. Кажется, я уже говорил, что чем сильнее ты, тем сильнее я. Ты не спишь, не ешь. Откуда могут появиться силы у увядающей женщины? Если думаешь, что обрела бессмертие и теперь можешь пренебрегать всем, то твое тело слишком быстро истощится. Ты худеешь, бледнееешь, и становишься рассеянной. Я чувствую себя слишком слабым, и что-то не хочется сегодня показывать прошлое.

– Возьми проклятую кость и дай мне руку, – процедила она сквозь зубы, и Анункасан положил ладонь на ее плечо.

Визайтон сел на пол, медленно лег на рубашку головой и закрыл глаза. Джоан истерично забила по решетке, но он будто уснул замертво.

– Пойдем, Джоан. Тебе и вправду тоже нужно поспать.

По дороге в комнату Джоан снова всхлипывала. Анункасан остановился, чтобы обнять ее, и в его руках девушке стало спокойнее. Он был таким добрым, таким родным. Казалось, он единственный, кто понимает ее.

– Может не стоит ходить к нему? Он плохо влияет на твое состояние. Нам это ни к чему. Ребенок рождается здоровым, но для этого нужна сильная мать.

– Я должна. Должна узнать, как все начиналось.

– Он высасывает из тебя жизнь.

– Это мой сын. Он забирает из меня все силы, но ведь я не единственная беременная женщина. Все мы женщины через это проходим.

– Я согласен с Визайтоном в том, что ты должна есть и спать. Даже при том, что находишься под защитой Владыки. Только так ты сможешь родить здорового малыша.

Он провел ее до покоев, где спал Эрик. У нее не было сил даже поесть, поэтому, когда голова коснулась подушки, она моментально уснула.

Эрик проснулся и наблюдал. За ее побледневшей кожей и впалым щекам. За два дня она будто высохла как сухофрукты, и это его пугало.

Джоан спала уже несколько часов, и Эрик сам пошел на кухню. Взял для нее горячего хлеба, утреннего надоевшего молока, жареных яиц, свежесобранных фруктов и запеченный пирог с лебедами.

Когда она проснулась, они вместе разделили трапезу, и ее кожа начала приобретать здоровый вид. Губы порозовели, а веки стали не такими тяжелыми.

– Нельзя голодать.

– Я забывала поесть.

– Не спать тоже нельзя.

– Мне было некогда. С сегодняшнего дня исправлюсь.

– Что увидела нового за сегодня?

– Ничего. Он сказал, что я слишком слабая, чтобы продолжать смотреть в прошлое.

Эрик пододвинул ей свою недоеденную порцию.

– Я не собираюсь тебя объедать.

– Могу принести еще, мне не сложно. Еды в Элроге хватит на весь континент и даже на прожорливого Уилла и тебя. Поэтому ешь.

– Заботаешься обо мне?

– У меня нет выбора.

– А если я скажу, что ни за что не рожу тебе наследника, будешь так же обо мне заботиться?

– Надеюсь, ты все же передумаешь.

– Нет, – сухо сказала она.

Эрик бросил вилку в тарелку и ушел. Он устал. Устал от нее.

Неблагодарная.

Глава. 4. Эфа

Джоан ела все больше, но оставалась худой. За исключением живота. Шел шестой месяц беременности, и скрыть это было уже невозможно.

Когда это впервые заметил Визайтон, то хохотал на всю скалу.

– Видишь, Гаррет, оказывается, Владыка твой наследник! А я все не мог догадаться, почему женщина? – Сказал он вслух, а Джоан поджала губы.

– Гаррет видит меня?

– О да! Сейчас я чувствую, что его душа бьется внутри меня, как дикая птичка в страшной запертой клетке. Он мечтает прикоснуться к твоему животу. Желает обнять тебя. Но разве это возможно, когда я спрятан за прутьями.

– Можно поговорить с ним?

Визайтон перестал двигаться и замер. Он размышлял над ее просьбой, и она терпеливо ждала ответ.

– Только один вопрос.

– Я хочу узнать, как бы он назвал нашего сына?

– Очень трогательно, Джоан. Я уже знаю ответ. Но... Скажу тебе, когда ребенок родится.

Она была согласна и на это. С Визайтоном все равно спорить не было смысла, он непробиваем, как стены Гринстона.

Теперь, когда она уходила из тюрьмы, Визайтон ложился на матрас, подушку и укрывался одеялом. Джоан боялась, что Гаррет чувствует холод, и только ради него подарила существу теплые вещи. Она приносила ему свежую еду и чистую воду, в которой он не нуждался, но никогда от трапезы не отказывался. Если не каменные стены вокруг и разделяющая их решетка, можно было бы представить, что они сидят ни пикнике, и мило проводят время вдвоем.

Но все было не так.

Она ненавидела Визайтона, но за это время все больше узнавала о прошлом Горбена.

За последние три месяца с каждым посещением тюрьмы кусочки прошлого воссоединялись. Когда он согласился на второе путешествие в жизнь Горбена, она с особым пристрастием разглядывала детали, будто его жизнь оказалась интереснее собственной.

Проморгав плену в глазах после падения в пустоту, она поняла, что сидит на коне. Давно любимое занятие стало недостижимым, ведь ей запретили заниматься верховой ездой, пока на свет не появится малыш.

– Может, поохотимся, Горбен? Я так хочу жареного кабана, или оленя, – услышала Джоан голос Бисоха по правую от себя руку.

Рыжая борода лежала на широкой груди. Мужчина почесывал пыльную шею одной рукой, а второй придерживал пугливого коня.

– Лошади и солдаты устают от такой длинной дороги в Медеус, – окликнул их Тонун позади. – Хоть слуги и не идут пешком, они изматываются, потому что не привыкли жить в пути.

– Королевская карета пустует, а Горбен так же как и они едет верхом. В других королевствах поданные вовсе идут на своих двоих. Думаю, несколько дней исключительно нашей вчетвером охоты пойдут им на пользу. Отдохнут, – наседали Бисох.

– Мы вырвали их из семей и родного дома, а ты предлагаешь подразнить людей тем, что нам вздумалось развлечься? – Тонун тоже любил спорить.

– Можно сделать привал на день другой. Мы на полпути, и если остановимся, то это не будет иметь сильного значения. Ехать еще две недели. Всем пойдет на пользу небольшая разгрузка, – присоединился к спору Гурнон, находясь по левую руку от короля.

– Что скажешь, Горбен?

Все трое ждали ответа, и он оглянулся рассмотреть изможденные в пути лица несчастных слуг. Нельзя допустить, чтобы от усталости кто-нибудь подхватил хворь и умер по дороге.

– Ладно. Сегодня заночуем, а завтра люди могут отдохнуть. Наши элрогские лошади выдержат любую дорогу, и охота только разомнет нам всем мышцы.

Почему они не боятся встречи с варварами? Вчетвером в лесу охотиться слишком опасно.

Ответа от Визайтона она так и не услышала, поэтому дальше принялась за исследование каждой детали. При рассматривании лошадей, заметила, что под ней шагала вороной конь, такой же, как Альтаон. Правда в размерах ему даже лошадь Горбена уступала. Оказалось, что его зовут Ворон. Ей понравилось это имя, и вправду, черный, как эта мрачная птица.

Тонун ехал на серой кобыле, а Гурнон и Бисох на гнедых жеребцах. Их клички она так и не узнала.

В тот день она снова почувствовала падение в пустоту, пока не вернулась в затхлую тюремную скалу.

Визайтон сказал, что этого достаточно в тот день, но эти месяцы она приходила к нему снова и снова, пока Эрик продолжал спать у Розалин. Исключения составляли дни, когда у любовницы была кровь. Тогда он оставался у Фреда. При этом, когда Джоан появлялась вместе с мужем перед жителями Элрога, всегда вела себя достойно. Они оба примирились со своим положением и старались не доставлять друг другу хлопот, пока каждый занимался своим делом. Тем более Эрик стал очень частым гостем на королевском совете и все больше вникал в искусство политики. Чарльз злился за любовную выходку сына и Розалин, но никто так и не узнал, что принц вообще не живет со своей женой, а принцесса часто навещает тюрьму в поисках ответов на многие вопросы.

В третье возвращение в прошлое Джоан снова падала, проморгалась и увидела свет.

Вокруг стояли лес и мелодичное пение птиц. Ветки шелестели и качались над её лицом, оставляя танцующие тени на коже короля. Как же ей этого не хватало. Сейчас хотелось только одного – чтобы время остановилось, и наслаждаться местом, в котором бы она осталась с Гарретом навсегда.

Но это была не её жизнь.

Горбен отдыхал не в карете, и даже не в шатре. Он любил спать на открытой земле и смотреть по ночам на звезды. Но сейчас рассвело, и он потянулся в предвкушении охоты.

Слуги подали завтрак, и он довольно наполнил желудок. Джоан даже отдаленно чувствовала запах и вкус его похлебки. Горбен ел одинаковую пищу со всеми, при этом, никаких королевских преподношений. Все просто, как и у обычных людей. Такой король, действительно вызывал уважение у поданных. У Джоан тоже. Корона не сделала его напыщенным, злым, наглым, жестоким или предвзятым к окружению. Обычный человек, который не только унаследовал трон, но и заслужил своими поступками правление Элрогом. Никто не боялся сказать ему слова, потому что вместо наказания за просьбы, он отзывался и пытался решить проблемы если не каждого жителя королевства, то большинства точно. Помогал всем, кому мог, при этом не боялся разорить казну, потому что улучшение качества жизни людей только положительно влияло на всю экономику Элрога. Многие крестьяне в благодарность королю по возможности отплачивали большей данью. Такая взаимопомощь делала государство все сильнее и могущественнее.

– Я готов! – громко отчитался Бисох за спиной.

Джоан почувствовала, как ее взгляд направился на рыжебородого великана. Как обычно, он перестарался с затягиванием пояса, но не подавал виду, что ему все жмет.

– Остальные спят?

– Ворон и наши лошади седланы, пока ты здесь прохлаждаешься. Никто давно не спит, это король у нас засоня.

Довольный Горбен, встал и отправился вслед за другом.

Они вооружились луками и стрелами. У каждого был стальной меч и несколько кинжалов. Тонун прихватил с собой еще и копьё.

– Отвечаю своей бородой, сегодня мы поймаем здорового кабана, – довольно сказал Бисох.

– А я думаю, что оленя, – ответил Тонун.

– Может медведя? Вчетвером справимся с таким зверем, – присоединился Гурнон. – А ты на кого ставишь, Горбен?

– Он поймает бабу! – расхохотался Бисох прежде, чем Горбен дал ответ.

– Где же он найдет женщину в чаще леса, – усмехнулся Гурнон над глупостью друга.

– А мне почем знать. Его лакриновые зенки тянут к себе девиц, как капкан с приманкой.

Горбен только выдохнул, и с улыбкой промолчал. Но Джоан чувствовала, как ему нравятся такие разговоры. Все же лесть ему по душе.

Фонтегорны.

К середине дня они все еще не наткнулись на крупную дичь. Пробегало несколько лисов, диких зайцев, но не за этими животными они углубились в чащу, сойдя с тракта. Лошади уже были взмылены, а мужчины довольно возбуждены.

– Сегодня вы все проиграете. Я не сделал ставку ни на одно животное, – самодовольствовался Горбен. – Только мы не выяснили, чем отплатят проигравшие.

В этот момент они выровнялись и встали, дав лошадям продохнуть. Их фырчанье заглушало шум листьев от легкого ветра. Жеребец Бисоха хоть и немного устал, все равно продолжал топтаться на месте.

– Пора возвращаться. Сегодня мы останемся без вкусного горячего только обескровленного мяса. Завтра попробуем еще раз, – предложил Тонун.

Громкий визг пронесся перед ногами лошадей и мгновенно углубился в чащу. Мужчины несколько секунд переглядывались, пока кони в испуге толкали друг друга.

– Я выиграл! Кабан! – кричал Бисох, когда Горбен уже пустил Ворона со всех ног галопом, значительно опережая остальных.

Джоан ощущала, как ветки хлещут его по лицу, но боли не чувствовала. Горбен пригнулся к шее, чтобы помочь лошади настичь несчастного кабана. Он почти его догнал, оставалось несколько шагов, но зверь резко ушел вправо и Горбен не успел отреагировать. Его лошадь внезапно что-то снесла, споткнулась и упала на передние ноги, а Горбен улетел вперед, приземлившись на землю, покрытую сухими ветками и листвой.

Джоан забеспокоилась, все ли в порядке с Вороном. Но он встал и даже не хромя подошел к хозяину, который все лежал на земле и придерживался за голову. Вокруг все расплывалось, но король понял, что друзья уже громко зовут и ищут его по следам. Тогда он и услышал стон, который принадлежал девушке.

Горбен медленно встал и начал искать ее по голосу, придерживая рану на затылке, из которой сочилась кровь. Он даже не сразу понял, что сильно ушиб еще и левое плечо, но главное, что не разбился насмерть, как его отец. Очередной позор Фонтегорнов совсем некстати.

Девушка лежала лицом в земле и тяжело дышала. Горбен присел к ней, чтобы расспросить о травмах и самочувствии. Она повернулась, но словно не увидела его. Ее волосы наполовину прикрывали лицо и от головокружения он не смог рассмотреть все достаточно хорошо.

– Вы сильно ушиблись? – спросил Горбен, все еще придерживая рану на голове.

– Я ничего не вижу, – прошептала девушка.

– Боги, простите. Я ничего не заметил, а моя лошадь сбила вас. Мы слишком быстро мчались за кабаном.

– Нет, – шептала девушка тяжело дыша. – Я от рождения ничего не вижу. Поэтому стояла на пути, не понимая, что мешала проехать.

– Горбен! Ты в порядке?! – Тонун спрыгнул с коня и подбежал к королю.

– Я сбил эту девушку. Так сильно увлекся охотой, но кабан оказался проворнее.

– Ты чуть не убила короля! – закричал на нее Гурнон.

– Простите меня, ваше величество, – оправдывалась девушка, было заметно, как что-то причиняло ей боль.

– Я же говорил, что ты бабу поймаешь, Горбен! – закричал Бисох и тоже спешил. – У меня двойное попадание сегодня. Только кабан удрал.

– Как вас зовут? – Спросил король.

– Эфа.

– Где у тебя болит, Эфа?

– Ребра... Нога...

– Оставьте ее, ваше величество, – от этого голоса Джоан передернуло.

– Пошла прочь, ведьма, – выкрикнул Гурнон, обнажив меч.

Когда Горбен повернулся, Джоан увидела скрюченную старуху в грязном зеленом плаще. В таком же одеянии была и девушка. Существо, которое обозвали ведьмой выглядело жутко. Короткие седые волосы торчали во все стороны. У нее не было зубов, и когда она закрывала рот, то нижняя губа доставала бы до носа, но вместо него там были только две дыры. Было в ней что-то не человеческое, возможно, сероватый цвет кожи, но Джоан никогда не слышала о ведьмах, и даже испугалась, не вернулись ли и эти существа в настоящий мир после того, как ее саму воскресили. Этой напасти еще не хватало. Агрессия со стороны друзей Горбена еще больше вызывала неприязнь к мерзкой бабке.

– Моя падчерица едва не лишила вас жизни. Это я не уследила за девчонкой. Даже без зрения, она передвигается по лесу быстрее меня. Смилуйтесь, король Горбен. Оставьте нас в живых, и мы больше никогда не встретимся.

Несмотря на увечья, старуха разговаривала четко, без дефектов. Будто голос ее шел из глубины души.

– Я и не собираюсь наказывать вас, но Эфе нужна помощь. В моем лагере есть лекарь. Я не могу оставить ее, не оказав должного ухода, ведь она пострадала по моей вине.

Даже сейчас он был учтив. Его не пугала внешность ведьмы, а рукой он указал опустить мечи остальным. Он не боялся старухи и сохранял спокойствие, но в душе переживал за пострадавшую.

– Ты что, собрался забирать ведьмину девицу? – Тонун возмущенно шепнул. – У тебя точно с головой не в порядке после падения. Вон, кровь как хлыщет.

– Ты с коня свалился, Горбен! Это не к добру. Ох, как не к добру, – закричал Бисох.

– Без Эфы я не выживу, – заскрипела старуха, не обращая внимания на друзей короля. – Она помогает мне. Не смотри на то, что я страшная и старая, король Горбен. Но эта девочка все, что у меня есть. Ведьмы хорошей из нее не получится, но я и не желаю такой участи для столь доброго сердца. Конечно, травмы серьезные, но мы справимся.

– Думаю, Эфа сама решит, с кем остаться. Я не хочу накликать на себя проклятие ведьмы, но не могу не дать шанс выбрать девушке самой.

– Я не оставлю мачеху, – мучаясь от боли сразу же ответила Эфа.

– Ты не сможешь идти. В лесу просто умрешь. Вдруг старуха не сможет тебя вылечить, – Горбен отстегнул мешочек из-за пояса, и указал это сделать остальным.

Ведьма вопросительно взглянула на него.

– Хочешь ее купить у меня? Я не торговка, а она не рабыня.

– Нет. Я хочу ей помочь, а тебе дать шанс на безбедную жизнь. На эти деньги ты проживешь в достатке еще не один год. Дай ей шанс на достойное будущее.

Старуха приблизилась к нему, а троица стояла в напряжении, готовясь разругать ведьму при первом же подозрительном движении. Она разглядывала короля настолько внимательно, будто хотела запомнить каждую частичку его лица для того, чтобы потом нарисовать портрет и не забыть мельчайшую морщинку для этого шедевра. Ее голова качалась из стороны в сторону, и все вокруг замерло, даже лошади затаили дыхание, пока она не заговорила.

– Ты благородный король, Горбен, – скрипнула старуха спустя несколько секунд и поклонилась ему. – Обещай, что сбережешь ее. Проклинать тебя не стану, да и твоих озлобленных, но преданных друзей тоже.

Она перевела взгляд на Тонуна, который смутился, но все равно был начеку.

– Когда она выздоровеет, я дам ей работу в замке. Это лучше, чем жить слепой здесь в опасном лесу. Достойная плата за полученные травмы.

– Откуда тебе знать, как живется в лесу? Ты ведь тут никогда не жил. Иногда, мы ничего не знаем, но думаем, что у других людей что-то лучше, а что-то хуже, чем у нас.

Горбен подозрительно смотрел на старуху и ничего не понял.

– В замке жизнь лучше, чем в лесу, это каждому понятно, – усмехнулся Гурнон, будто уже не боялся проклятья ведьмы.

– Никто не знает, где лучше. Никто не знает, к чему это приведет, потому что никто не умеет видеть будущее. Человек может быть счастлив в лесу без дома и денег, а может страдать, живя у теплого очага с сытым брюхом и властью над всеми. Наш король счастлив? – Старуха помедлила, а Горбен в ответ промолчал. – Я навсегда запомню твое лицо, благородный Горбен Фонтегорн. Когда-нибудь, тебе возможно понадобится моя помощь. Я всегда буду ждать короля, чтобы отплатить за доброту.

– Король никогда не обратится к ведьме. Она нас сейчас всех проклянет, – затараторил Гурнон, но старуха только усмехнулась.

– Прекрати, Гурнон. Кто знает, обращусь или нет. Ведьмы умеют не только проклинать, – Горбен постоянно метал взгляд то с девушки на друзей, то с них на старуху.

– Я и вовсе никогда никого не проклинала. Не в этом заключается сила ведьм, глупая твоя башка, мальчик Гурнон, – скрипела старуха. – Такие сказки рассказывают детишкам, чтобы они не ходили в лес без родителей. Ведь старые ведьмы варят сопляков в котле и съедают как десерт. Эти бредни придумывают те, кто имеет очернённую душу, и только от вида уродливых старух уже делают мокрые дела в штанишки, а чтобы смыть с себя этот позор, распространяют жуткие слухи. У тебя еще сухо между ног, мальчик Гурнон?

Гурнон слотнул, но передернул плечи, чтобы выпрямить гордую спину.

– Я уже давно мужчина, ведьма.

Она издала звук похожий на смесь смеха и задыхающихся приступов.

– Возьми монеты. Нам пора возвращаться. Чем скорее поможем Эфе, тем быстрее ей полегчает, и боль уйдет.

Горбен протянул ей мешочки, но старуха развернулась и медленно зашагала в лес. Через несколько секунд она исчезла между деревьями, и даже если бы ее кто-то преследовал, то не нашел бы.

Когда Джоан пришла в следующий раз, то уже перестала осыпать Визайтона вопросами о Гаррете. Он говорил, что она задаёт не правильные вопросы, и принцесса уже устала биться об решётку руками и ногами в надежде что-то узнать о любовнике.

Он подобрал следующую кость и протянул ей руку.

– Готова?

Ощущение падения. Она действительно к этому уже привыкла.

Перед Горбеном в карете отдыхала девушка. Сиденье большого размера и оно позволяло ей лежать на спине, немного закинув ноги на стенку. Заметно, что она чувствует себя не уютно, но у неё по-прежнему болезненный вид. Ее отмыли и переодели в одежду служанок, и теперь она выглядела намного опрятнее.

– Ребра меньше болят? – спросил он.

– Да, ваше величество. Простите, что доставляют вам столько хлопот. Надеюсь, со дня на день я смогу идти своими ногами.

– У тебя ребро сломано, как ты собралась топтать своими двумя. Тем более лодыжка тоже все ещё синяя.

Девушка немного покраснела и поджала губы.

Горбен наклонился к ней, и Джоан смогла хорошо её разглядеть. Эфа невероятно красива. Джоан никогда не видела столь прекрасных девушек. На вид ей было не больше двадцати. Она могла затмить собой даже Лотту, но все же было что-то не так. Она слепой, а глаза серого с сиреневым отливом цвета. Её темно-каштановые волосы были аккуратно зачесаны в косу, а не растрепанные липли к лицу. Видимо, служанки постарались привести их в порядок.

– Ведьма сказала, что ты её падчерица.

– Мои родители пропали еще давно. Я была совсем маленькой, а когда пришла ведьма, в деревне прозвали меня – слепая проклятая.

– Ты не проклятая, – возмутился он, будто это его оскорбили.

– Кто знает.

– Ты совсем ничего не видишь? Можешь сказать, какого цвета у меня глаза?

– Синие в прозрачную крапинку.

– Значит, ты видишь меня.

– Всё знают, что у Фонтегорнов синие глаза. Лакрины, камни Фонтегорнов, – поправила себя девушка и улыбнулась. – Но мне не суждено различать цвета, и не понять, как выглядят ни ваши глаза, ни эти редчайшие камни.

– Моя любимая легенда из детства, что лакрины были созданы из слез женщины, чей сын стал правителем Элрога. Первый из рода Фонтегорнов.

– Я слышала, что вы очень красивы, ваше величество, как и все рождённые в этом роду.

– Слышать, это не увидеть. Слухи часто обманчивы. Твоя старуха тоже об этом сказала. Одни считают меня благородным королем, другие кровожадным. Так же можно сказать и про красоту. Но если бы меня и спросили, как выглядит Эфа, я бы ответил, что не видел ничего и никого красивее на свете.

Эфа снова покраснела. Возможно, в ее глазах промелькнул ужас, но из-за слепоты нельзя было сказать точно. Она выглядела напуганной, но король не прикасался к ней и не пытался взять силой.

– Разве можно говорить мне такое? Вы же король.

– И что? Я король и говорю, что ты необыкновенно красивая.

От этих слов приятное тепло распространилось по ее телу, и боль в ребрах отступила.

– Я умею видеть руками, – смущённо сказала она, не понимая, как правильно реагировать на его слова. – Но это совсем не магия! Не ведьмовство.

– Как это?

– Можно мне прикоснуться к вашему лицу?

Горбен уставился на нее, но все же взял маленькую по сравнению с его ладонь и приложил к щеке. Эфа потянулась второй рукой, а он еще приблизился, чтобы девушка меньше двигала телом, которое медленно заживало после столкновения с лошадьёю.

Джоан ощущала подушечки ее пальцев. Горбен никогда не чувствовал на своей коже столь нежных прикосновений. Руки Эфы полностью накрыли лицо, и она всеми пальцами

мягко исследовала каждую частичку его лба, носа, губ, щёк и даже подбородка. В последнюю очередь она прикоснулась к глазам. Все вокруг исчезло, ведь королю пришлось их закрыть. Когда она отпустила мужчину, он мягко перехватил её ладонь.

– Слухи не врут. Вы очень красивый мужчина, – сбивчивым дыханием пролепетала она.

У Горбена появились мурашки на руках, которые Джоан заметила и даже почувствовала. Мужчина очаровался настолько, что забыл, где находится.

– Ты даже не представляешь, насколько сама затмеваешь любую.

Девушка шумно задышала от волнения, и вновь у нее заболело потревоженное сломанное ребро.

– Зачем вы держите путь в Медеус? – выдавила она.

Горбен осекся, он забыл и не хотел вспоминать, что едет знакомиться с Изабель Фриель, которую ему предлагает в жены её брат Тахор.

– Появились срочные дела, – быстро отмахнулся он.

– Простите мне моё любопытство. Я больше не буду вас ни о чем спрашивать, – растерялась Эфа.

– Ты можешь спрашивать меня, о чем захочешь. Но только не о правлении и королевствах. Могу я хотя бы с тобой отвлечься от всего этого. А вообще, наверное, намного интереснее послушать тебя. Расскажи о ведьмах. Вдруг ты тоже научилась колдовству, а я и не знаю, бояться ли мне безоружной и травмированной слепой Эфы.

Она хотела засмеяться, но только с выдохом улыбнулась, потому что не хотела снова чувствовать боль.

– Я никогда не обладала магическими способностями. Да и никто не рождается с ними. Ведьмы сами избирают такой путь. Мою старуху зовут Дора. Много раз я слышала, как ее прогоняют из деревень, потому что они боялись уродливого отвратительного лица, которым награждены все ведьмы. Но Дора приходила только туда, где в ней нуждались больше всего. Каждый раз ее грубо выпроваживали, а потом в ночи догоняли и молили о помощи матери больных детей. Они настолько желали вылечить своих чад, что рисковали собственными жизнями. Любовь матери не боится ни проклятий, ни уродливых ведьм ради своих чад. Только самые чистые сердца заслуживают получить помощь от силы магии, потому что несут за собой мир и добро. Тот кто заслуживает помощь, тот ее получает.

– А как же проклятия? Почему все боятся ведьм из-за ужасов, которые они могут на нас наслать.

Эфа опять сдержала добрый смех, будто Горбен был маленьким ребенком. Он даже почувствовал себя глупым и робким, но был настолько очарован, что продолжал ждать ответ.

– Нет никаких проклятий, ваше величество. Это все выдумки. Но кое-что все же есть. Многие ведьм не любят, а защищаться от людей как-то надо. Когда народ в деревнях становился слишком агрессивным, то самого злобного мужчину и всю его семью настигали страшные события. По ночам к нему приходили призраки умерших родственников, или пропадали запасенные богатства, или коза и корова внезапно давала меньше молока. Историй бесконечное множество, сплошные чудеса, которые не давали злым людям спокойно жить.

– Разве это не магия? – воскликнул Горбен. – Я бы не хотел, чтобы у меня пропали деньги или еще хуже видеть призраков.

– Нет. Это всего лишь галлюцинации. Призраки могут приходиться только в дурных снах. Богатств у этих людей никогда и не было, чтобы чему-то пропадать. Ну а козы и коровы доились мимо ведра из-за больше непослушных пальцев доярки, вот и все. Их будут преследовать проклятия, пока они не вымолят прощения у любой ведьмы за свои слова и поступки.

– И как же другие старухи снимали проклятие?

– Все ведьмы знают, как найти в доме травы, которые заставляют исказить реальность. Но отравиться ими очень легко, поэтому, пока не поздно, нужно принять противоядие. Вот что делают лучше всего ведьмы. Лекарства.

– Лекарства и травы – это не магия. В чем же тогда их способности, если не проклятия?

– У каждой ведьмы свой дар. Кто-то может снимать лихорадку прикосновением руки, другая разговаривать с животными, или снимать зуд от укусов насекомых, а есть те, кто лечит растения, лишь взглянув или поговорив с ними.

– Значит, ведьмы всего лишь лживо осужденные? Их не нужно бояться?

– К несчастью, да. Дора вылечила бы меня гораздо быстрее, чем ваш лекарь, но я ни о чем не жалею. Женщин, что все же чудом излечивали у ведьм своих детей, часто наказывали. Если замученных горем подозревали в принятии помощи от ведьм, люди неизбежно держались их стороной. Кому-то из несчастных приходилось уезжать в другое поселение, а некоторых жен выгоняли мужа вместе с детьми, которых излечила ведьма.

– Это ужасно, когда за настоящую помощь тебя презирают.

– Уверена, что вы тоже сталкивались с этим. Каким бы не стал хорошим король, всегда найдется недовольный его правлением.

– Чаще всего я слышу о том, как мой отец умер с позором. Упал с коня. Вот чем больше всего недовольны и всегда припоминают. Будто я в этом виноват. Да, я хорошо держусь в седле, но это не значит, что если я упал, то сразу становлюсь проклятым. Я просто человек, а люди любят выдумать слухи и небылицы.

– Ни одна гибель не может быть позорной, а тем более смертельное падение с лошади.

– Любой элрговец умеет ездить верхом и читать. Я ходить еще не умел, а на лошади уже катался. Отца считали проклятым раз он разбился, выпав из седла. Из-за этого напридумывали, что он был недостойным королем. А ведь он не брезговал помогать даже работягам. Мог идти по улице и подтолкнуть застрявшую телегу, или поднять тяжелые корзины, которые женщины уставали нести в свой дом. А помнят его только за то, каким нелепым но ужасно символичным образом он погиб.

– Я едва не принесла вам позорную смерть. Никогда бы не простила себя за это.

– Тогда Фонтегорнов точно бы стали считать проклятыми, и правление наше закончилось прямо в этот день. Мои друзья никому не расскажут о том, что я тоже мог свернуть шею. Но я рад, что по-прежнему жив и случайно чуть не убил тебя. Не произойди этого, мы бы не встретились.

– Надеюсь, вы будете править, пока старость не заберет к Богам, – пыталась учтиво говорить она.

– Я готов отдать трон раньше, если у меня будет наследник. Должен же я пожить на старости лет для себя.

– Ваши наследники будут самыми достойными.

– Откуда тебе знать? Никто же не видит будущего, – с улыбкой спросил он.

– Просто, мне так хочется.

– Хотеть мало. Нужно что-то для этого еще и сделать.

– Горбен! – Джоан услышала голос Тонуна и стук в дверь кареты. – Может, присоединишься к нам? Не помню, чтоб ты просиживал свой зад в каретах, когда мы куда-то направлялись.

Джоан почувствовала его смятение, но он все же вышел. Король не боялся, что с Эфой что-то случится в карете, но просто он сам чудовищно желал ее общества.

– Мы подъезжаем к Медеусу, а ты почти две недели сидишь с этой девчонкой. Околдовала тебя? Не зря же ведьма так быстро сдалась и отдала ее.

– Эфа не ведьма. Что вы вообще знаете о них? Ни один из вас даже не задавался вопросом, какие проклятья умеют накладывать старухи.

– Точно околдовала! Еще так не вовремя. Что Тахор скажет, если узнает, как тебя отуманили магией?

– Прекрати! Я в полном порядке и помню, зачем мы едем в Медеус. Там мне точно будет не до нее, – оправдывался король.

– Тогда перестань все время сидеть с ней. Прямо вот с этого момента, перестань.

– Я подверг ее этим страданиям и должен быть уверен, что она идет на поправку.

– Это она тебя чуть не убила. Откуда она взялась по среди леса у тебя на пути? Представляешь, если бы ты убился, как и твой отец? Благо мы вообще не расскажем, что ты упал.

– Я упал вместе с Вороном. Был слишком увлечён кабаном, и не заметил ее. Ведьмы иногда таскают за собой сирот, но Эфа слепа и не обладает никаким даром. А даже если бы и обладала, то никогда не сделала бы ничего плохого.

– Горбен, – Тонун сделал паузу, и король взглянул на него. – Не наделяй глупостей. Она очень красива, согласен, но ты забываешь, куда мы держим путь.

– Спасибо, что еще раз напомнил. Я поручаю тебе следить за Эфой. Никто из Медеуса не посмеет ей навредить. Снимешь хорошую отдельную комнату, приставишь к ней служанок и охрану. Тахор не должен ничего узнать.

– Тогда нужно увести все подозрения от ее личности и тебя. Никакой охраны и отдельных слуг. Я сам буду жить с ней.

Горбену это не понравилось, потому что хотел оказаться на его месте, но друг был прав.

– Не смей прикоснуться к ней.

– Я же не идиот, а если и прикоснусь, то это она заколдовала. Я не причем.

– Эфа не ведьма.

– Значит, тебе не о чем беспокоиться. Я сберегу ее для тебя, несмотря на то, что ты вообще едешь за будущей женой.

Больше всего Джоан не любила ощущение возвращения в настоящее. Визайтон вытаскивал её из тела Горбена своей силой, и каждый раз она чувствовала опустошение после видений. В прошлом древнего короля ей нравилось больше, чем в своей реальности. По крайней мере сейчас.

– На сегодня достаточно, приходи потом.

Каждый раз она слышала эти слова после того, как они заканчивали смотреть прошлое.

– Визайтон?

Он даже не посмотрел на неё и уже лёг, закрыв глаза, потому что ждал один и тот же вопрос.

– В книгах написано, что война между Элрогом и Медеусом продолжается больше восьмисот лет. Это из-за Эфы начнётся война? Неужели Горбен не женится на той, к которой держит такой долгий путь. Его друзья говорили, что меньше всего ссориться хотели бы именно с Медеусом, а Тахор молод и заносчив.

Впервые Визайтон открыл глаза, после того как после видений ложился на пол. Он слегка приподнялся на одной руке и посмотрел своим взглядом снизу вверх.

– Наконец ты задаёшь правильные вопросы, но еще не готова знать ответ. Впереди много лет, которые мы должны посмотреть.

– Неужели эта женщина будет виновата в гибели стольких людей и появлению Владьки?

– Опять правильный вопрос. Ты меня радуешь сегодня. Умнеешь на глазах. Но мой ответ останется прежним. Хотя... Нет, Джоан. Не из-за одной женщины, а из-за трех.

Джоан нахмурила брови, а Визайтон сомкнул веки и лег.

– Как же мужчины любят обвинять во всем женщин. Эфа вообще не хотела отправляться с Горбеном. А я, между прочим, не очень-то хотела оживать, и даже сейчас, виновата, что всем нам угрожает смерть из-за вас, – Визайтон только дернул уголком губы, но остался немым. –

Уверена, что виновны в войне мужчины, но они слишком трусливы, чтобы признать свои слабости.

Когда она зашагала обратно, он вдогонку крикнул:

– В любой войне виноваты люди. Это все, что ты должна знать на сегодня.

Глава 5. Совет

В это утро Эрик спал в своей кровати. А если в ней, то значит с Джоан, но даже сейчас спиной друг к другу.

– Розалин кровь, раз ты сегодня ночуешь здесь, – разбудила она его своим голосом.

– Радуйся, что у неё она есть. В отличие от тебя. До сих пор не верится, что ты носишь не моего ребенка.

Джоан шумно выдохнула. Она готова была убить Эрика за вечные напоминания о его наследниках. Ей даже показалось, что ещё не было ни одного дня рядом с ним, чтобы он не напомнил об этом. Это стало уже традицией или вредной привычкой.

– Твой отец не обрадуется, если Розалин забеременеет.

– Он не обрадуется, если узнает, что твое чрево носит не от меня.

Удивительно, насколько ее это не задевало. Любая женщина должна стыдиться за свою неверность, а многих за это еще наказывали. А она будто и рада происходящему, думал Эрик, но так и не понял, что ее волнует совсем другое.

– Эрик, достань третий ключ. Столько времени прошло, а ты до сих пор не понимаешь всей угрозы, если дубовая дверь откроется, а ни одного ванпула не будет рядом.

– Фред уже достал второй ключ, Джоан. Теперь оба у тебя. А я прекрасно понимаю, что ключ, находящийся у отца, не причиняет никакой угрозы. Он, наверняка, уже запылится. Отец не ходит на смотровую лет двадцать. У него колени болят. Ему нужно будет потратить весь день, прежде чем он дойдёт до дубовой двери по лестнице. Только безумец захочет вообще отворить эту проклятую тюрьму. Спроси у любого про это место, и, тебе ответят, что самый смелый не сунется туда. Даже за мешок золота. Мы давно в совете обговорили, что и преступники больше не будут отправляться в эту скалу.

– Дело не в этом. Я боюсь, что сила Визайтона растёт. Безопасней всего ключи держать у меня.

– Ты много надумываешь. Беременным это свойственно. Сегодня собирается большой совет. Я туда приглашен, и, думаю, если там появишься и ты, то отец будет счастлив. Он от тебя в таком восторге. Не помню, чтобы когда-то мы с Лоттой вызывали у него столько счастья. Вот и попросишь этот ключ. По-моему, он вообще тебе все отдаст, если попросишь. Боги, если бы он только знал правду. Может, ты все же отблагодаришь его за столько искреннюю любовь. Он мечтает стать дедушкой.

– Я составлю тебе компанию в совете. Когда?

На любое слово о детях Джоан просто перестала реагировать. Будто это на фоне звучит окружающая природа, к которой не так часто прислушиваешься.

– Колокол пробьёт пять. Успеешь? Ведь у тебя столько важных дел.

Джоан встала. Он слышал, как она доедала с вечера остывшие пироги. Лениво приоткрыв веки, Эрик следил, как она стягивает с себя ночное платье. Живот стал большим, и принц заметил, как малыш толкается. Если бы это был его ребенок, он бы не отнимал рук от живота. Все мысли стали наваждением, что ему хочется сына. Теперь он отчасти понимал чувства Лотты, и как ей было тяжело столько лет стать матерью.

– Сегодня я не пойду к Визайтону. Уверена, что появлюсь вовремя.

– А куда тогда отправишься до совета?

– Слышала, как Анункасан прилетел ночью. Хочу узнать вести. Вдруг удалось найти след одного из визий. Думаю, сейчас он еще отдыхает и наверняка хочет побыть какое-то время с сыном, поэтому я продолжу заниматься чтением, а после обеда направлюсь к нему.

– Не опаздывай.

Эрик ехидно улыбнулся и подмигнул. Любой человек, который вырос в замке, понял бы, что это шутка. Что никто ее не ждет на совете, но она воспринимала все буквально и прямо. Но возможно, он действительно хотел, чтобы она удивила всех своим появлением. Правда, ее сразу же попросят удалиться, еще до начала совета.

Эрик молча собрался и вышел из комнаты, но только захлопнулась дверь, как в нее тут же постучали.

– Принцесса? – раздался голос Мелиссы.

– Можешь зайти, – отвела Джоан.

– Я пришла заплести вам косу.

– Знаю. Конечно.

Этот ритуал Мелисса проводила с ней каждый день. Джоан привыкла развязывать повязку и придерживать ее одной рукой на глазу. Мелисса пыталась уговорить ее расслабиться и опустит руку, но безрезультатно. Они мило поболтали, и служанка рассказала несколько свежих сплетен в замке.

– Представляете? Повариха случайно чихнула прямо на свежую выпечку для лорда Бройтона, вытерла разбрызганные слюны полотенцем, и, как ни в чем не бывало, передала хлеб служанке. Она думала, что никто этого не заметил. Вы же никому не расскажете? А то ее высекут.

– Я даже понятия не имею, кто такой лорд Бройтон.

– Ой, такой зануда, знаете. У него есть дочь Лилу. Красивая, но странная. Ее служанка вечно ходит за ней попятам. Мне иногда кажется, что они даже спят в одной постели. Лорд с таким пристрастием ее оберегает до свадьбы, будто она может лишиться невинности от чьего-то взгляда, – Джоан нахмурила брови и оглянулась, в ожидании объяснений. – Он слишком строгий отец. Вот что я хотела сказать. Мне кажется, даже выдав ее замуж, он не позволит дочери разделить ложе с женихом.

Джоан хохотнула.

– Ситуация ужасная, но ты слишком смешно ее рассказываешь.

– Вы никогда не смеетесь. Даже такой короткий смех невероятный комплимент для меня. Мелисса улыбнулась и уже собиралась уходить, но кто-то снова постучал в дверь.

– Джоан? Ты здесь? Это Фред.

Мелисса выпучила глаза и начала разглаживать невидимые складки на юбке. Принцесса заметила, как из веселой девушки, служанка превратилась в зажатую статую.

– Можешь зайти, Фред.

Он даже не закрыл за собой дверь, и просто заглянул через щель в комнату.

– Я Эрика найти не могу. Сегодня совет, надеюсь, он не забыл.

– Фред, пройди в комнату, – Джоан переглянулась со служанкой. – Я тебя не расслышала.

Фред чуть не подавился, потому что он говорил громко, а у Джоан слух острее, чем у собаки Уилла. Он прошел в середину комнаты. Ему хотелось как-то пошутить на этот счет, но заметив рыжеволосую девушку промолчал.

– Я сказал, что не могу найти Эрика. Сегодня совет...

– Ах, да. Он в курсе. Колокол ударит пять раз.

– Хорошо, я передам отцу, что он явится.

– Фред, познакомься с моей служанкой. Это Мелисса, – Джоан улыбнулась во весь рот, думая, что все делает правильно. – Она красивая, умная, и даже иногда может меня рассмешить. Такое редко кому удается.

Мелисса покраснела так сильно, что веснушки слились с цветом лица. Фред вскинул брови и в недоумении переводил взгляд со служанки на принцессу.

– Эм. Приятно познакомиться, Милана.

– Мелисса! – воскликнула Джоан, будто ее только что оскорбили.

– Прошу прощения, Мелисса.

Фред еще раз вопросительно посмотрел на принцессу и так и не нашел ответа. Что она от него хочет?

Служанка хотела выпрыгнуть с балкона, понимая, какая нелепая создалась ситуация.

– Джоан, я пойду? – немного пригнув голову, спросил Фред.

– Конечно, – улыбнулась Джоан, и когда дверь за ним захлопнулась, тут же гордо обратилась к Мелиссе. – Я вас познакомила. Ты хотела, чтобы я рассказала ему что-то хорошее о тебе. Мелисса? Мелисса, что с тобой?

Служанка рухнула на диванчик и закрыла голову подушкой. Она издавала звуки что-то между смехом и плачем.

– Я что-то не так сказала? – принюхиваясь, спросила Джоан. – Ты так сильно вспотела. Заболела что ли?

Девушка вынырнула из под подушки, и, прикрыв рот рукой, застонала.

– Он все понял.

– Мелисса, ну я же не сказала ему, что он тебе нравится.

– Я выглядела очень глупой, – закрыв лицо ладонями, выдавила она.

– Ну, ты сильно покраснела, вспотела, и у тебя сердце выпрыгивало из груди, а так, все же отлично, – Джоан развела руки, все не понимая, что сделала не так.

– Такие хвалебные слова говорят не в присутствии человека, о котором идет речь, – как ребенку начала объяснять девушка. – Ну, если только не отчаянный отец, пытающийся выдать замуж тридцатилетнюю дочь.

– Ой. Я же не сказала, что он тебе нравится. Ты запретила говорить именно это.

– Уже не важно. Он даже имени моего не запомнил.

– Брось. Со второго раза точно запомнил.

– Я ему не понравилась. Иначе, запомнил бы с первого.

– Я не сильна в любовных делах, Мелисса. Придумаю что-нибудь еще.

– О, не надо. Пусть все останется как есть. Спасибо, что попытались, принцесса – девушка без злобы взяла в руки ладонь Джоан.

– Если что, ты проси.

– Мне, наверное, пора перестать вам докучать. Чем будете заниматься сегодня?

– Ты мне не мешаешь. Наоборот, единственная в замке девушка, с которой я могу поговорить. Но мне сегодня правда необходимо много всего сделать. Надо успеть много прочитать до совета.

– Вы собираетесь лично явиться на совет?

– Да, меня принц Эрик позвал.

Мелисса открыла рот, но тут же захлопнула его, услышав имя принца. Немного подумав, она все же заговорила.

– Конечно. Вы удивительная, Джоан. Эрик вас безумно любит, раз позволяет такое, – Мелисса поклонилась и оставила ее в одиночестве.

Принцесса хмыкнула, а почти сразу выбросила из головы бредовые слова Мелиссы.

Весь день Джоан провела за толстыми книгами. Эрик не появился разделять познание последних исторических фактов жизни Гофара, но ее и не волновало, где его опять носит. Джоан увлеклась, читая о женитьбе Гофара и Лурии. Вскоре, после свадьбы, родился следующий наследник и будущий король Лурис. Самый молодой правитель Элрога. О смерти Гофара ничего не написали, однако в усыпальнице Элрога его прах захоронен под самой первой плитой. Так же причина смерти Тахора и Талая Фриель была покрыта тенью, будто они все вообще не умирали. Зачем скрывать правду о гибели этих людей?

Долго ломая над этим голову, она и забыла, что нужно успеть поговорить с Анункасаном до начала совета, на который, кроме Эрика, ее никто не приглашал.

Анункасан часто улетал в поисках визийя, но все было тщетно. Он облетал континент, насколько это было возможно, но никаких намёков или следов слуг времени. Он даже облетел лес Мергон, где обитали варвары, но ничего подозрительного его не притягивало. Но раз в больших городах слухов о них ещё не появилось, есть надежда, что силы к ним пока не вернулись.

– Как малыш? – спросил вождь ванпулов, когда она пришла к нему в комнату.

Он всегда гладил её живот, убеждаясь, что с ними все в порядке.

– Очень силен. С каждым днем становится труднее ходить и спать с таким огромным пузом. А когда пинается, я подпрыгиваю.

– Ох, это он ещё не огромный. Потерпи пару месяцев и тебе станет легче.

– Или ещё тяжелее... Когда он родится, то будет совсем крошечным. Неужели дитя сможет превращаться в дракона или убивать людей игрушками лёжа в люльке?

– Я надеюсь, что сила, которая станет его по праву, будет расти с каждым днем, а не ударит по нему всей мощью. Нам нужно правильно его воспитать, Джоан. Нельзя, чтобы он вырос жестоким, ведь сила извращает сознание. Он всегда будет склонен к тиранству, но в наших руках, направить его к справедливости, жалости, понимаю, сердечности. Если он пойдёт характером в отца, то гораздо легче сделать из него добряка, но при этом способным бороться со злом.

– Я знаю о силе и жестокости, как никто другой. Когда на нас напали в лесу, стоило мне взять меч в руки, я испугалась, что не смогу остановиться. От злости, вместо варваров, я могла начать уничтожать наших солдат. Не хочу, чтобы он вырос похожим на меня. Не только сила Владыки заставляет быть жестокой... Я всегда хотела убивать. Меня так воспитывали.

– Но ты справилась. Больше нет нужды резать головы людям за то, что они селятся по другую сторону реки и живут не так, как ты.

– Когда Визайтон ещё не знал о ребенке, то говорил, что сила Владыки уничтожит меня. Поэтому у него мало времени, чтобы истребить людей. Ведь умрёт Владыка, и визийя потеряют свою силу. Но ведь Владыка не умрет, Анункасан? – со страхом голосе, спросила она.

– Я знаю, чего ты боишься. Мы позаботимся о мальчике, что бы ни произошло. Помоему, ты выглядишь здоровой, и после родов, должна освободиться от разрушающей тебя магии, а не умереть. Ребёнок невероятно сильный, раз смог стать избранным, когда никто даже не знал о его существовании. Уверен, он справится с Горбеном и драконом, и я обещаю, что все ванпулы будут защищать мальчика.

Джоан распахнула глаза.

– Ванпулы! – в её голосе был восторг, а он не понимал, что именно её так обрадовало. – Ты прилетел с другого континента.

– Это было больше семи веков назад.

– И как я раньше не догадалась. Нам нужно переправить их всех сюда. Ты говорил о четырёх континентах и проводниках на каждом из них. Ты один из первых с других земель, и рассказывал, что там ванпулы не скрываются.

– Но здесь уже есть ванпулы, те, которых вернул я.

– Мы должны попросить помощи у других континентов! Ванпулы не подвластны магии визийя. Чем больше ванпулов мы приведем сюда, тем больше людей сможем защитить. Просто нужно дать им возможность добраться сюда.

– Ох, Джоан. Переправить на этот континент людей, даже и ванпулов, которые живут другими ценностями и традициями неблагоприятно.

– Почему? Они же могут нас спасти.

– Джоан... Они другие.

– Что это значит?

– Ты же помнишь, как Араксан оказался в плену? Его ненавидели. Он отличался от всех в том поселении. Даже в таком маленьком месте всегда находят изгоя. Представляешь, если мы доставим сюда сотни и тысячи людей, что живут иначе? Их не примут. Мы с Араксаном знаем об этом как никто другой. Поверь мне, это даже не изуродованное лицо, Джоан. Все гораздо хуже. Люди на этом континенте превратятся в дикарей хуже, чем твои амазонки. Я и сейчас постоянно скрываюсь от людских глаз. А мой сын? Он вечно сидит в покоях и даже не пытается выйти в свет. Кроме тех, кого я воскресил, только моя Мег не относилась ко мне предвзято. И думаю, она чувствовала, что обязана мне жизнью, и только поэтому полюбила.

– Ты такой же, как и я. Мы люди.

– Ты говоришь так, потому что тебя с детства обучали ненавидеть всех за рекой. Когда ты поняла, что тебе всегда врали, то больше не видишь разницы ни в ком из людей. Теперь ты воспринимаешь это как очевидное. Но люди не такие как ты. Для них есть только их континент и никого за пределами моря. И даже здесь вы все сражаетесь друг с другом из-за разных причин. Постоянная борьба не понятно с чем и за что. Нас чужаков тем более будут ненавидеть.

– Обещаю, что не позволю этому случиться. К тому времени, когда мы их доставим сюда, люди будут молить о любой помощи. Они не забудут тех, кто помог спастись от визий.

– Хотел бы я, чтобы не начались распри между нашими народами. Но от одной мысли, что с ними может случиться, у меня появляется колючий холод по спине. Люди не готовы.

– Так мы начнем их готовить. Что такого в том, что люди отличаются друг от друга? Это же естественно.

– Если бы я знал, Джоан. Если бы я знал... Все было бы по другому.

Он так глубоко закопался в своих мыслях, что его лицо исказило гримасу ужаса. Он будто вспоминал что-то очень страшное и непоправимое.

– Расскажи о других землях, – попыталась вернуть его внимание Джоан.

Очнувшись от навязчивых мыслей, он погладил ее по щеке и уже со спокойным лицом продолжил:

– Кроме своих земель, я был только на одном континенте. Там живёт проводник по имени Куву. У него рождалось много детей, и все они были проводниками. Кроме последней дочери, которая умерла, и он вернул ее. Теперь она полосатая лошадь. Они называют их зебрами. На его континенте живёт больше тысячи ванпулов. Он за столько лет вместе со своими детьми смог многих воскресить. Я воскрешал один на твоём континенте, пока не родился Араксан, а он вернул самого Владыку. Воскресил тебя.

– Здесь было столько войн и погибших... А вернулось так мало.

– Джоан... Я редко воскрешал воинов. В основном крестьян.

– Почему? – спросила она, ничего не понимая. – Они были такими же людьми.

– Крестьян легче найти, если скрываешься от людских глаз посреди леса. Мертвых в нужно было обращать на открытой местности, где находились сотнями живые люди вокруг. Да и воинов ждали дома. Они бы возвращались героями. Я бы не смог их заставить остаться жить с ванпулами. Они не боялись смерти и не были бы так благодарны, как люди, которых я спас. Людей, у которых практически ничего не оставалось.

– Нас было бы намного больше сейчас, – она расстроено покачала головой.

– Понимаю. Теперь мы нуждаемся в ванпулах больше, чем когда-либо. Про другие земли я ничего не знаю. Куву рассказывал мне, что когда Владыка был жив и мог сдерживать магию в себе, то проводники общались между собой, находясь на разных континентах. Твоей силы недостаточно, чтобы призвать ванпулов со столь далёкого расстояния. Да и как мы их переправим на один континент? Я не смогу один перенести столько людей сюда. Или это займет столетие.

– Ни один корабль не возвращался, когда отбывал в дальние плаванья. Они сбивались с курса, попадали в шторм или разбивались о скалы... А что, если птица с воздуха будет им

помогать? Ты понимаешь погоду. Видишь с высока скалы и мель. Чтобы не нарваться на них, нужно все знать свысока. А острова? Чтобы переждать на суше бурю. А главное, что ты видишь, куда нужно плыть по самому короткому пути.

– Где ты возьмёшь столько кораблей, чтобы отправить их в четыре разные стороны? Еще и обратный морской путь уже с ванпулами.

Колокол пробил пять, и Джоан должна немедленно отправляться на совет, но она уже все равно опоздала.

– Хотя бы одного проводника ты должен переправить на свой родной континент. Надеюсь, у нас хватит времени, чтобы он воскресил там несколько десятков человек. Ведь дома тебя не было много веков. Есть надежда, что души животных там охотнее будут искать хозяев и не привередничать.

– Я постараюсь переправить туда больше проводников. Из тысячи мёртвых может вернуться один, а может и десять человек. Представляешь сколько лет одному проводнику нужно, чтобы вернуть несколько десятков. Мне для пятидесяти человек понадобилось семьсот лет. Но, конечно, я и не мог заниматься этим все время, потому что должен был скрываться от людей. Да и поселение наше нужно обустраивать, и помогать справиться с новым даром вернувшимся. Еще раз, Джоан, ты помнишь, что случилось с Араксаном? Его вытворили жители деревни и сдали солдатам, как преступника. Население континента должно быть готово к встрече с людьми других континентов, и они должны понимать, что ванпулы придут сюда только ради помощи нам.

– Начнем с того, что будем выводить Араксана в общество. Хватит ему сидеть взаперти на нашем этаже в комнате. Он не жалуется. Сейчас все же лучше, чем в тюрьме, однако это не жизнь. Он будет под моей защитой. Вот так и начнем приучать людей к другой внешности. Боги, какой абсурд. Звучит ужасно и глупо.

– Знаю, но таковы люди. А что с переправой?

– Я найду способ достать корабли. Будем их строить, покупать, не знаю еще как, но морские лошади будут. У нас есть ванпулы-птицы, кроме тебя?

– Нет, но возможно на других землях будут. Они и помогут идти кораблям на обратном пути, пока я отправлюсь на следующий континент.

– Сколько лет может на этой уйти... Десятки? Главное, предупредить остальных вождей-проводников. Они должны прийти на помощь, иначе, их тоже всех ждёт гибель. Вместе мы ещё можем что-то сделать. Но я не знаю, как обезопасить людей сейчас. Прежде, чем их начнут подчинять себе визийя.

– Будем надеяться, что им еще не хватает силы, чтобы управлять сознанием людей, по крайней мере, пока мы не привезём подмогу. Я сегодня же отправлюсь за проводниками к Куву и а после полечу в родные земли. Начнем хотя бы с этого. Уверен, что ты найдёшь способ достать корабли. Может, Эрик подскажет? Это ведь и в его интересах.

– Эрика интересует только его настоящий наследник, которого, конечно, должна родить я. Он помешался на этом и ничего не хочет больше знать. Ты успеешь вернуться к моим родам?

– Как я могу пропустить рождение Владыки?

Джоан чувствовала тепло от его улыбки. Он обнимал её на прощанье прежде, чем улететь.

– Я росла без отца, Анункасан. Ты отчасти смог заменить его. Чарльз тоже так добр ко мне и говорил, что хочет стать мне папой. У людей бывает несколько отцов?

Он виновато посмотрел, будто собственными руками убил Жана, и лишил её настоящей родительской любви.

– У отцов тоже есть отцы. Можешь называть меня своим дедушкой. По возрасту я даже больше гожусь на эту роль.

Джоан хмыкнула.

– Дедушка Анункасан.

– Жаль, что из-за меня ты теперь в такой опасности. Я должен был разрешить тебе остаться в нашем поселении... Но ты освободила Араксана, и я навсегда останусь твоим должником.

– Ты хотел спасти меня, откуда нам было знать, к чему это приведет. Всё считали, что жизнь в замке самое прекрасное времяпровождение на свете.

– Постараюсь сделать все, чтобы искупить свою вину. Но ты должна знать и помнить, я никогда не желал причинить тебе вред. Прости меня за все.

Джоан не поняла, почему он так говорит. Она ни в чем его не обвиняла, и он стал для неё самым близким человеком после Уилла... И Гаррета, если бы он был жив.

– Мне не за что тебя прощать, дедушка Анункасан.

Джоан опаздывала и шла быстрым шагом. Когда она явилась до места встречи совета, то даже не стала стучать. Просто раскрыла двери и вошла внутрь, как в собственные покои. Собравшиеся мужчины вокруг огромного стола обернулись и с удивлением взглянули на нее, будто она ошиблась комнатой. Эрик сидел справа от Чарльза рядом со стеной и самодовольно улыбался. Ее там не ждали, а он и не напрягся, чтобы предупредить о появлении жены на совете.

– Ты опоздала, все места уже заняты, – разведя руками, сказал Эрик, а она заметила, как его глаза засмеялись.

Ну ведь он предупреждал, что опаздывать нельзя. Вседозволенность могла и оскорбить окружающих, но разве ее остановить.

– Женщине не место в совете, принцесса, – советник Фелон выглядел растерянным и искал поддержки у короля, но тот только с интересом наблюдал за дальнейшими действиями полюбившейся невестки.

Джоан протиснулась между стульями и стеной, подошла к Эрику, и села ему на колени. Он постарался сделать невозмутимое лицо, хотя так поступали только женщины из борделей. Когда они находились вдвоем, она никогда бы так не сделала, хоть и знала, как муж ждал этого. Ждал? Вот и получил. Возмутительную тишину вокруг она же и нарушила.

– Думаю, для меня здесь найдется место, – устраиваясь удобнее на коленях принца, она невозмутимо начала предвкушать продолжения совета, положив кисти на стол.

Все смотрели на Чарльза, но король молчал, думал, и не был похож на разозленного человека. Будто дерзость Джоан ему по душе. Даже Эрик краем глаза ждал его реакции, но для себя понял, что и его самого все устраивает. Давно жена не оказывалась настолько близка к его телу.

– Ваше величество, мы все ждем. Но принцесса...

– Принцесса останется здесь. Ее мнение будет нам полезно. Ведь речь о будущем ребенке. Нашем наследнике, – отрезал Чарльз и отпил из кубка новую для Джоан по запаху жидкость. – Велите принести еще один стул.

– Мне и здесь удобно. Не будем зря тратить время на мое перемещение.

– Дурной тон, принцесса, – воскликнул Фелон.

– Там где я выросла, так не считают. А выросла я среди женщин, которые истребляли мужчин.

– Джоан, мы не в лесу, – строго но не гневно обратился к ней Чарльз, и тогда она послушно кивнула. – Но продолжим мы, не дожидаясь стула.

Джоан постаралась не меняться в лице. Она оглядывала всех вокруг и заметила несколько незнакомых ей людей. За столом спиной к стене сидели черноволосые и с такими же угольными бородами двое мужчин, облаченные в золотисто-белые одеяния, а с противоположной стороны худощавый молодой человек в фиолетовом бархатном камзоле.

Позади каждого она увидела развешенные гербы. За мужчиной в фиолетовом камзоле на полотне нарисован графин, на котором изображался лук с натянутой стрелой. Лотта рассказы-

вала ей, что это герб Алоссы. Позади черноволосых мужчин она увидела герб Наридиуса и ее пальцы сжали край стола.

Корабли. Вот так везение.

Она напряглась, но вспомнила слова Чарльза.

– Почему речь о моем ребенке? – постаралась хладнокровно спросить она и не выдавать легкое волнение.

Фелон Хоррис тихо цокнул, но она это слышала, и единственное, что его спасало от гибели, так это то, что он отец Фреда. Иначе она бы задушила его прямо здесь или пропорола брюхо, освободив зажатые ремнем кишки. Ее пальцы еще сильнее впились в стол. Древесина вот-вот треснет, и она почувствовала, как Эрик опустил руки на ее ноги, слегка поглаживая бедра.

– Расслабься, – прошептал он ей на ухо, словно они находились здесь вдвоем.

Под столом никто не видел, как нагло Эрик играл пальцами по бедрам. Юбки мешали, чтобы добраться до желанного места, а быстро задрать их незаметно невозможно. Интересно, что она сделает с ним после совета? Неважно, сейчас он может трогать ее без опаски за здоровье, а потом уже выслушает претензии.

Он еле сдерживал смех от серьезного выражения лица жены. Виду не подавала совсем. Каменная душа. Только тогда пальцы все же принялись поднимать юбку секунду за секундой, но она по-прежнему сидела неподвижно. Прекратить игры пришлось из-за возобновившегося совета, потому что его собственная плоть уже напряглась, а продолжить, не меняясь в лице, он не мог. Пошутили и хватит. Хотя, он и не против приласкать ее в тайне от остальных прямо у них перед носом. Такой смирной она никогда не выглядела. Стойкая выдержка.

– Джоан, к нам приехали послы из двух важных королевств. Из Наридиуса, – Чарльз уважительно указал в сторону двух чернобородых мужчин. – И из Алоссы, – указал на мужчину в фиолетовом камзоле.

– Позвольте повториться для принцессы, – уважительно сказал посол из Алоссы. – Мой король Альфред предлагает заключить союз. Наши королевства никогда не враждовали, но мы прекрасно понимаем, что объединение пойдет всем на пользу. Как в экономическом плане, так и в стратегическом.

Даже Эрик заметил, что кроме Фелона никого особо не волновало поведение жены. Да и отец Фреда уже успокоился и не реагировал больше на нее. И почему ей все так сходит с рук? И вообще он планировал другой исход. Ее должны были выставить за двери.

– Зачем им Алосса, если есть Наридиус? Наши корабли поставляют к берегам множество товаров. Лучшие китобои, морские деликатесы, рыба, жемчуга. А заключив союз с нами, Элрог получит больше, чем когда-либо до этого, да еще и не облагая налогами, – выступил черноволосый мужчина.

Джоан резко обернулась в сторону послов из Наридиуса. Судьба принесла этих мужчин сюда. Что они хотят от будущего ребенка она еще не знает, но главное, сейчас получить желаемое, независимо от условий. Дальше уж разберется.

– Корабли, – прошептала она слишком громко и ее услышали.

– Да корабли, принцесса. Стоит Элрогу заключить с нами союз, и деревянные кони Наридиуса будут служить вашему королевству. Вы же знаете, что только у нас самые прочные и большие судна. На кораблях гораздо легче переправить товар, а также легче доставить большие войска на другую часть континента, вместо неудобно расположенного королевского тракта. Вы и представить не можете, как много редких и изысканных морских обитателей, которые возле суши и близко не плавают.

– Зачем нам корабли, которые уплывая дальше, чем видно с берегов, пропадают навсегда. Войны нет, солдат отправлять никуда не надо, а с продовольствием и сейчас нет сложностей, если все оставить так, как есть. Рыба отвратительно воняет, какой бы изысканной она ни была.

Пусть лучше вино Алоссы разливается в Элроге рекой. Для тех, кто хочет оставаться трезвым, можно пить этот прекрасный гранатовый сок, – сказал Эрик, и за это Джоан пнула его пяткой по ноге. Неужели ожила, а то совсем превратилась в статую. – Попробуй, дорогая жена. Тебе понравится. Главное, не опьянеешь. И для ребенка полезно.

Эрик протянул ей кубок, из которого так сладко пахло, как и у Чарльза. Она сделала несколько глотков и едва воздержалась от восхищения. Пропустив мимо ушей намеки Эрика на ее единственное в жизни пьяное состояние в день свадьбы, продолжила:

– Сколько всего кораблей в Наридиусе? Для дальних плаваний, – возбужденно спросила она.

– Всего, больше пяти сотен, – один из чернобородых уже вступил в диалог, заметив ее интерес, забыв, что на них все пристально смотрят.

– Они нужны мне все.

Эрик даже оторвал спину от стула, пытаясь утихомирить жену. Чарльз все еще молча наблюдал за театральной постановкой. Такое представление оказалось ему по душе. Хоть как-то развлечься на старости лет.

– Принцесса, вы ничего не понимаете в государственных делах, – возмутился Фелон, не дожидаясь одобрения короля. – Совет уже почти проголосовал, и ответ очевиден, что нам нужна Алосса и ее богатые урожаи фруктов и ягод.

– В чем заключается союз? Что от нас требуется? Возможно, мы найдем компромисс и угодим обоим королевствам, – не отрывая глаз от чернобородых сказала она.

– Самые крепкие союзы всегда осуществляются через брак, – спокойно снова присоединился Чарльз.

Джоан задохнулась. Такого поворота она не ожидала, но тогда стало понятно, что им больше ничего и не нужно от наследников, даже еще не рожденных. Детей рожают ради рождения следующих детей.

– Ребенок еще не родился, а вы хотите заключить брачный союз?

– Нам неважно, кто родится, мальчик или девочка. В Наридиусе у нашего короля Анвариуса Шейбура пять сыновей и три дочери. Очевидно, если у вас родится дочь, старший сын и наследник с радостью возьмет ее в жены. А если у вас родится мальчик, то нашей самой маленькой девочке два года. Прекрасная вырастет девушка, и не сильно старше вашего чада. Для наследника она идеально подойдет, – отчитался чернобородый.

– В Алоссе у короля только годовалая дочь, но наша королева снова вот-вот родит, и мы ждем мальчика. Так все предсказания по звездам говорят. Наша королева молода, и способна родить еще не одного ребенка, если астрономы ошиблись.

Джоан вообще не хотела никому обещать своего сына, но сейчас ей нужны корабли, а до зрелости сына еще много лет. Все может измениться.

– Моя жена сама сказала, что хочет найти компромисс, а я не могу с ней не согласиться, – сказал Эрик, и она тут же поняла подвох в его словах, адресованных лично для нее. – И ведь моя Джоан тоже такая молодая. Ей по силе родить мне еще несколько детей. Мальчиков и девочек, – последние слова он протянул.

Эрик не представлял, что она готовилась сделать с ним после совета. Он даже сейчас нашел способ припомнить ей о супружеском долге. Он заплатит за это.

– Я не сомневаюсь в способностях нашей принцессы, – сказал Чарльз. – Не хочу оскорблять ни одного короля, однако мать моего будущего внука, наследника или наследницы заинтересовалась кораблями.

Мальчик, у меня будет сын.

– Ваше величество, мы ведь решили, что заключим союз с Алоссой, – Фелон явно занервничал. Девчонка сильно влияет на короля. Магия какая-то.

– Я тоже голосовал за Алоссу, – съязвил Эрик.

– Чарльз, пожалуйста, – Джоан умоляюще посмотрела на короля, больше поддержки искать было не у кого.

– Это ваш ребенок, Эрик. Ты будущий король. Сегодня, я даю тебе шанс сделать решение самостоятельно, – Чарльз не мог настолько пойти на поводу у нее, тем более публично. Ему пришлось передать ответственность Эрику, в надежде, что он сделает правильное решение.

Джоан почувствовала, как ее руки невольно впились в ногу мужа, но он терпел эту боль, словно наслаждаясь. Эрик ощутил власть. Сейчас она оказалась в его руках. Интересно, убьет ли его жена за такое решение, или поймет все правильно.

– Первый союз мы заключаем с Алоссой. Как только мы узнаем о следующей беременности, и прежде, чем родится второй ребенок, заключим и с Наридиусом. Давно не было такого, чтобы заключали союзы сразу с двумя королевствами через брак. Ах да, с тремя. Моя сестра... Да я же сам женат на фриельской деве из Медеуса, – после этих слов несколько советников одобрительно засмеялись. – Гринстон настолько отдалился от нас всех, что установить последнее достижение останется пока недоступным. Ну и пусть сидят за своими непреклонными стенами, а мои будущие дети процветают со столь могущественными союзниками.

Посланец из Алоссы довольно улыбнулся. Дома его похвалят за проделанную работу. Лишь бы их королева родила здорового наследника, на случай если у Джоан будет девочка. Конечно, они не могли догадываться, что принцессе уже все известно о поле малыша. Она прекрасно понимала, что ее сын должен будет жениться на первой и пока единственно дочери Альфреда Фарского.

Чернобородые остались недовольны, но почтительно кивнули, согласившись с решением принца. Ведь от союза с ними никто не отказался, а только дали отсрочку и рассчитывали, что в скором времени после родов принцесса Элрога снова понесет.

У Джоан от гнева дрожала губа. Она встала, заметив на себе самодовольный взгляд победителя, а слуга в этот момент занес долгожданный и уже не нужный стул.

Эрик считал ее проигравшей. Думал, что теперь она ни за что не откажет ему в постели после рождения ребенка. Но его улыбка сошла с губ так же медленно, как и появилась.

– Принцесса, – обратился к ней чернобородый, так же встав из-за стола и приблизившись вдоль стены к ней. – Можно ли узнать, зачем вам лично нужны корабли? Еще и все. О таком глобальном споре я слышу впервые.

– Если я скажу вам, что знаю, как найти другие земли, вы мне поверите?

Чарльз удивленно вскинул бровь. Его явно заинтересовали её слова.

– Я передам ваше пожелание королю Анвариусу. Возможно, в знак благосклонности, он согласится подарить вам несколько, если посчитает такое предложение интересным.

– Мне нужны сотни, – она осталась подавленной, и не могла радоваться не гарантированной кучке плавающей древесины.

– Постройка кораблей слишком дорогостоящий процесс. Наридиус не настолько богат, чтобы строить и дарить сотни кораблей, да еще и до заключения союза.

Джоан понимающе кивнула. Требовать от них большего она не могла и обернулась на Эрика, который снова был счастлив как дитя. Она сжала кулаки так сильно, что они побелели. В голове представляла, что в руках горло Эрика. В который раз за день его улыбку сменила гримаса. Происходящее повергло его в шок, и это сделала совсем не разгневанная на него жена.

– Я оплачу постройку одной сотни кораблей, – услышала она Чарльза, и Эрик сжал зубы так сильно, что они заскрипели. – Это мой подарок для вас, принцесса Джоан.

Она хотела броситься на шею короля и расцеловать его. Такой щедрости не ожидал никто. Фелон Хоррис вовсе издал звук, будто проглотил слюну вместе с языком.

– Спасибо, ваше величество, – она почтительно поклонилась ему и в этот раз *ее* лицо озарила улыбка победителя.

Комната не пустела, но все разговаривали кучками по своим интересам, и Эрик отвел в сторону балкона отца прежде, чем его выловила Джоан. Ведь она вообще пришла на совет ради того, чтобы попросить проклятый ключ у Чарльза. Принц сам утром позвал ее на совет, чтобы поразвлечься, а в итоге потерял очередной рычаг давления на жену. Его всего трясло от гнева, потому что снова проиграл. Она, стоя в стороне, так и не сводила с него единственный глаз, потому что второй прятала под повязкой. Чтобы взять себя в руки, Эрик просто перевел взгляд на короля.

– Что ты делаешь, отец? Так можно и разорить весь Элрог, ради ее прихоти, – он пытался придумать отговорку и едва не срывался на истеричный крик. – Корабли стоят безумных денег, да еще и сотня!

На самом деле, ему плевать на то, сколько стоят судна. Ему нужно после родов уложить Джоан в постель, и ради союза с Наридиусом она могла на это пойти. Отец с доброй подачи лишил его единственной возможности повлиять на нее. А после содеянного, Эрик вообще мог распрощаться с этой затеей. Лучше ему было не злить ее, начиная с того, что ласкал бедра жены под столом, и, заканчивая тем, что принципиально выбрал Алоссу в союзники.

– Ты знаешь, почему я это сделал? – Чарльз в сдержанном гневe тыкнул сына пальцем в грудь, но кроме Джоан никто этого не услышал и не заметил. Со стороны они выглядели непринужденно, будто обсуждали, кто чем завтракал в это утро.

– Понятия не имею, чем тебя могли заинтересовать плавающие бревна, – Эрик в недоумении посмотрел на него.

– Твоя жена прощает тебя, пока ты каждую ночь кувыркаешься со своей шлюхой Розалин. Раньше я думал, что это единичные случаи, и ты просто не хочешь навредить беременной жене, но мой сын переступил все границы. С каждым днем ты теряешь бдительность, и уже все замечают, как ты предаешь нашу фамилию. Ты подумал о своей сестре? Как к нам будут относиться в Медеусе из-за тебя? Элрог не разорится, даже если я прикажу построить две тысячи суден. Пусть Джоан радуется своим кораблям, если собственный муж ее только разочаровывает. Каждый день я боюсь увидеть письмо из Медеуса от Маргариты, что я так и не усмирил своего нахального развратного сына. Я ведь обещал, что буду следить за твоим вездесущим членом. Ты изменяешь жене, как варвар, как простак. Надеюсь, мой внук будет благороден, как его мать.

– Да она дикарка. Ты женил меня на дикарке. О каком благородстве ты говоришь?! – срывался с шепота Эрик. – Вы неужели никто не замечаете ее выходки? Она заявила сюда...

– Слышать от тебя больше ничего не хочу.

К ним подошла Джоан. Она светила изнутри. Еще секунда и Эрик выкрикнет на все королевство ее настоящее призвание. Шлюха. Вот кто его жена. Шлюха, что носит чужого ребёнка. Вот только не успеет он произнести первую букву, как его позвоночник хрустнет, если она разгневется.

– Вы чем-то огорчены, мой дорогой принц и муж? – учтиво обратилась она к нему, взяв его под руку.

– Вы много себе позволяете, моя принцесса и жена. Ваши вклады в развитие Элрога обходятся нам слишком дорого, и, не думаю, что они смогут стать успешными.

– Мой главный вклад, сделает нас непобедимыми. Если, конечно, никто не будет мне мешать. Тогда мои руки опустятся, и я стану несчастной, потому что так и не смогла сделать что-то хорошее.

– Увидимся в покоях, любимая моя женщина, – постарался любезно сказать Эрик, но раздражение внутри выдавало его гнев.

– Конечно, – она расплылась в улыбке с зубами и отпустила его.

Чарльз взял под руку спокойную Джоан, вывел из комнаты совета, и повел по коридорам замка. Понятно, что он злится на Эрика и пытается загладить вину за измены сына, ведь она

ни разу не подала и виду, что ревнует или хочет развод. Не рассказывала в письмах об этом своей матери и брату. Вела себя идеально на людях, и король был благодарен за это. Сегодня, конечно, она и позволила себе лишнего, придя без спроса на совет, но он догадался, что это тоже уловка сына, за которую отцу пришлось отдуваться. Кто еще мог ей об этом рассказать и позвать? Никто, кроме Эрика.

– Устал я от вас обоих, Джоан. Вы на старость заставляете меня понервничать.

– Простите, мой король. Я сильно виновата.

– Я угодил вам, принцесса? – своим невозмутимым голосом спросил Чарльз.

– Вы сделали для меня слишком много. Я не знаю, как и отблагодарить. Но мне по-прежнему не по себе, что ребенок уже обещан для брачного союза. Неужели у него не будет выбора, решить самому, с кем заключать брак?

– Так было всегда, Джоан. Ты была трехлетней девочкой, когда я впервые увидел тебя. Тогда состоялась ваша помолвка с Эриком. Даже при всех раздорах с твоим покойным отцом, я уже тогда видел, какой ты вырастешь девушкой. Когда ты пропала в лесу, весь Элрог скорбел не меньше Медеуса. Я в том числе.

– Вы очень добры ко мне. Рада, что не держите зла за то, что заставила всех так волноваться столько лет.

– Вины твоей здесь нет. Всего лишь на всего, Жану стоило сразу оставить тебя здесь. Чтобы его дочка выросла в наших кругах и легче пережила переезд. Могу я еще что-то сделать для тебя, чтобы осчастливить мать моих будущих внуков?

Джоан вспомнила, ради чего изначально хотела встретиться с Чарльзом.

– Вы могли бы одолжить мне ключ.

– Какой еще ключ? – сказал он таким тоном, каким разговаривали старые добрые дедушки, пытаясь удивиться. Не хватало ещё восклицания «ох-ох-ох».

– От тюрьмы.

Чарльз остановился и на секунду стал другим. Она не могла до конца понять его эмоции, но он действительно удивился.

– Зачем, Джоан? – подозрительно взгляделся он своими лакриновыми глазами.

Обычно Чарльз разговаривал с ней мягко, учтиво и вежливо, но сейчас в голосе появилась твердость и серьезность. Он оказался в замешательстве от такой просьбы.

– Эрик потерял свой. Мне захотелось посмотреть, насколько достоверно о ней рассказывают. Говорят, сбежавших заключенных оттуда никогда не было.

– Никогда не просите у меня об этом ключе, принцесса. Это жуткое место, и больше всего, я не хочу, чтобы вы видели того ужаса, который эта тюрьма вселяет в каждого. Только тирану могло взбрести в голову вообще ее построить. Вы знаете, что там заключенных заживо сжирают крысы? – она кивнула. – Никогда не любил это место, но оно действительно помогает бороться с преступностью. Ее здесь просто уже нет, весь страх быть запертым безвозвратно заставляет одуматься. Никто не хочет попасть туда, тем более добровольно.

– Если это такое страшное и опасное место, вы прячете ключ от него? Чтобы даже смелые дети туда не проникли. У слишком любознательных выходят такие шалости.

– Никто кроме меня не знает, где он спрятан. В это можете уж точно поверить. Никто не найдет его, даже если захочет. Где только Эрик ключ потерял...

– И вы никогда не захотите подняться туда или на смотровую?

Она попыталась сменить внимание от ключа мужа, который находился у нее в кармане.

– Джоан, у меня больные колени, и каждая ступенька попытка не меньшая, чем помирать от укусов злобных всеядных крыс. В молодости я насмотрелся на свои прекрасные владения, и помню все. Не хочу признавать свою слабость, но даже верхом на коне, я больше не чувствую себя так уверенно, а ведь это весьма позорно для Фонтегорнов. Боги, не рассказывай об этом никому. Воля, единственное, что заставляет меня не свалиться из седла как дряхлого

пердуна, – она хохотнула от неожиданного высказывания и тут же пресекла себя. – Старость дарит болезни, и никуда от них не денешься. Хотел бы я снова быть молодым.

Джоан перестала настаивать, ведь король сегодня и так сделал для нее слишком много. Она и сама решила, что пора успокоиться из-за ключа, или достать его хотя бы позже, выведав у Эрика, где может быть запрятана мелкая, но такая опасная железка.

День выдался достаточно удачным. Особенно ее радовало разозленное лицо мужа, когда она вернулась в их покои. Он так сильно злился, что она передумала задушить его на месте. Так сладко видеть его разгневанным.

– Получила желаемое, а-а-а?! Джоан? Получила? Корабли свои получила? Ты, дрянь!

Первое, что она услышала, когда он закричал на нее, и вот тут сложно было удержаться, чтобы не перекинуть его через перила на балконе.

– Ты идиот, Эрик! – перекричала она. – Ты вообще понимаешь, что нас всех могут уничтожить? Понимаешь? Или твоя пустая башка ничего не замечает?

– А ты знаешь, что носишь бастарда? Поклянись, что родишь после него мне наследника. Поклянись, ты, наглая лгунья!

– Я никогда не стану спать с тобой, Эрик. Ни за что не рожу тебе ребенка. Ты меня уже достал!

– Я разведусь с тобой, и объявлю войну Медеусу! – Эрик зарычал как зверь.

– Ты самый тупой принц на свете. Король из тебя будет самый никудышный. Если ты вообще доживешь до того, чтобы им стать. Давай, разводишься! И я выпущу Визайтона. Выпущу! Понял? Он уничтожит тебя, а мне и моему сыну ничего не будет угрожать, ясно тебе? Он уничтожит людей, и я ему в этом помогу, а ванпулы будут жить. И все ваши замки опустеют, зарастут паутиной, и только насекомые и крысы будут в них обитать, обгладывая человеческие кости. Люди превратятся в пустоту. Зато в голых домах будет ветер и сгинувшая навеки ложь. Вот чего ты хочешь?

– Ты меня довела, Джоан! Ты унизила меня, как мужчину. Я все стерпел. Все! А что взамен?

– Ты дурак, Эрик. Не замечаешь ничего вокруг. Не хочешь понимать ничего. Не хочешь быть человечнее. Ты просто сам ничто. Я презираю тебя. И никогда не прощу за то, что ты сделал со мной в брачную ночь.

– Я тебя ненавижу, – прошептал он. – Ненавижу.

– Можешь ненавидеть меня сколько хочешь, но не смей мешать спасти невинных людей. Иначе я тебя просто убью и даже не стану оплакивать над плитами в усыпальнице.

У Эрика пробежал холодок по коже. Она сняла повязку и своим желтым глазом прожигала в нем дыру. Казалось, в этой желтизне играет красный огонь и вот-вот вырвется наружу.

– Я не хочу тебя больше видеть, Джоан, – сказал он напоследок и двинулся к двери.

– Вот и проваливай. Хочешь, можешь жить у Фреда, хочешь у Розалин. Но оставь меня в покое. Меня и моего ребенка!

Он ушел, и захлопнул за собой дверь. После этой ссоры ей полегчало, но все же, когда она успокоилась, то поняла, что наговорила лишнего. Но главная головная боль ждала в тюрьме, и ей следовало отдохнуть прежде, чем она пойдет смотреть причины появления войны и Владыки. Лучше бы она просто отдалась Эрику в брачную ночь, и смирилась со своей участью.

Глава 6. Изабель

Горбен стоял в знакомом для Джоан тронном зале. Людей вокруг толпилось много, но тишина стояла подозрительная. Удивительно, что внутри замок Медеуса тоже не сильно изменился за восемьсот лет. Первая существенная разница, это трон, который стоял под окнами, а её родной брат Луи восседает на нем напротив света. А вторая, это балкон для музыкантов, он был с деревянными перилами, но в будущем их убрали и заменили на резные железные лозы.

– Приветствую тебя, король Тахор, – с уважением сказал Горбен.

Теперь Джоан приглянулась к мужчине с короной на голове, который красовался перед ней на троне. Он сидел расслабленно и чуть развалившись. Тахор не казался толстым, но при этом у него было круглое лицо и второй подбородок. Его редкая щетина была похожа скорее на подобие бороды. Жидкая подростковая растительность. В одной руке он играл с пушистым хвостом какого-то животного. Возможно лисы. Он неохотно поднял свой взгляд. Черные, как беззвездная ночь, глаза. Настоящий мрак казался светлым путем по сравнению с бездной, которая дарована природой в глазах мальчишки. Такую черноту она видела лишь однажды, и вспомнила картину с изображением мальчика, что висела в тайных комнатах Медеуса. Портрет его будущего сына, Талая Фриель. Они были похожи, и в эту непроницаемую тьму глаз Джоан смотреть стало неприятно, как и Горбену. Тахор даже не встал. Ему словно было скучно, а Горбен все упорно ждал, когда правитель соизволит заговорить.

– Ты быстро отреагировал на мое предложение, Горбен. Не ожидал, что явишься, не предупредив о своих намерениях маленьким клочком бумаги. Я устал ждать ответ, и обида начала пожирать меня. А потом я узнал, что ты на подходе к моему городу. Скажи мне, король Горбен, вдруг я не получил письмо по случайности или ты и вправду хотел сделать сюрприз? А может неожиданностью хотел в чем-то разоблачить? – Тахор подозрительно разглядывал гостя.

– Я решил, что вам будет приятно узнать, как сильно желал поскорее добраться сюда. Не думал, что вас может оскорбить наше внезапное появления.

– Ради чего вы так поступили? – Тахор не радовался такому уклончивому ответу.

Тахор искал причины, которые могли бы удовлетворить его подозрительность. Он во всем видел подвох. Так поступают люди, которым есть что скрывать. Им всегда кажется, что их хотят разоблачить, даже когда об этом никто не догадывается.

– Только ради Изабель. Хотел неожиданно и поскорее сделать ей подарок. Я лично выбрал для нее лучшую кобылу Элрога. Так и где же ваша сестра? Прячется среди присутствующих? – Горбен обвел взглядом людей Медеуса зале.

Тахор не поверил, и даже слишком дорогой подарок для сестры его не раздобрил. Создавалось ощущение, что это вообще не он писал любезное письмо с предложением взять в жены сестру. Он снова долго молчал, будто искал внутри правильные слова. Что-то было не так.

– К сожалению, моя сестра сильно переболела, и сейчас выглядит невзрачно, – наконец собрал слова в кучу противный король.

– Она переболела? Чем же? – с подозрением и давлением спросил правитель Элрога.

– Ох, не оскорбляйся, Горбен. Не думай, что я хотел тебе предложить не способную к родам после свадьбы сестру. Немного солнца, хорошей пищи, и она снова засияет своей красотой. Изабель заболела сразу же, как только я отправил тебе письмо с предложением ее руки. Сначала, я ждал ответ от тебя и хотел попросить повременить с приездом. Поэтому не готов был принять гостей так скоро. Мы бы подготовились получше.

Встреча уже была напряженной. Джоан не нравилось все, начиная от окружения, заканчивая разговором её дальнего родственника. Она вспомнила слова Гурнона, что все Фриель всегда ходят с кислыми рожами, но это относилось не только к ним, но и вообще народу Меде-

уса того времени. Рассказы о том, что жители этих земель любят веселиться, больше похоже на неудачную шутку. Ни у кого губа не дернулась, чтобы попытаться изобразить улыбку.

– Я приехал познакомиться с Изабель, и еще не дал положительного ответа взять её в жены.

– Ты оскорбляешь меня, Горбен. Это не позволительно в моих же стенах, у меня дома.

Мальчишка выбросил хвост, попав одному из стражников в лицо, и лениво подпер голову ладонью. Все это стало похоже скорее на спектакль, чем на встречу дорогих знатных гостей.

– Твой прием не менее оскорбительный, Тахор. Никогда бы не поверил, что я в Медеусе, если бы не увидел герб над твоей головой. Где же знаменитое гостеприимство?

– Ах, и вправду! Я забыл кое о чем, – он хлопнул в ладоши.

Заиграла музыка. Лютни, волынки, барабаны, и у всех музыкантов на балконах были напряженные лица, а несколько пар Медеуса начали приплясывать вокруг гостя. Все они выглядели как куклы. Не естественные.

– Так лучше, Горбен?

Джоан чувствовала, как руки Горбена сжались. Он злился, но по-прежнему держал себя в руках.

– Мой путь был долгим. И я желаю познакомиться с твоей сестрой. Прямо сейчас, даже если мне придется навестить ее в собственных покоях.

Горбен будто и сам радовался, что нашел повод показать недостойность рода Фриель.

Тахор скривил губы. Очевидно, что он не хочет подчиняться просьбе. Музыка вокруг будто мешала ему думать, поэтому его желваки самовольно гуляли.

Избалованный мальчишка.

– Тишина! – заорал он так, что не договорив этого слова, все мгновенно стихло, а танцующие пары тут же встали на свои прежние места. – Приведи ее, Варвар, – недовольно сказал Фриель одному из облаченных в черные доспехи рыцарю.

Горбен ждал стоя и не шелохнувшись с места. Его были ноги крепки, но после такой дороги приходилось мириться с затекшими мышцами. Все это время Тахор сидел на троне, молчал и даже не предложил отправиться в пирный зал или хотя бы принять ванну после дороги, пока они ожидали Изабель. Король Медеуса уже играл с другой игрушкой в руках, похоже это была кроличья лапка. Никто не произнес и малейшего звука. Даже Бисох стоял и терпел боль от перетягивающего штаны ремня, ведь в тронном зале он хотел выглядеть стройнее. Наверное, больше всего он мечтал скорее расстегнуть их и помочиться на голову отвратительного правителя, но ради друга переносил муки достойно.

Прошло не меньше двух часов, и только тогда привели Изабель. У Джоан от видения сжалось сердце. Девушка, не поднимая глаз, медленно прошла мимо Горбена и встала рядом с братом. Каждое движение будто причиняло ей боль. Она оказалась худой, как залежавшийся мертвец, и такое же лицо бледное, как у обескровленных трупов. Ее платье скрывало все открытые участки кожи, даже руки спрятали в перчатках, а горло закрыли до самого подбородка кружевами, тогда как в зале стояла невыносимая духота. Музыка так и не заиграла снова, будто от такого зрелища все нуждались в минутке тишины, а не в торжественном приветствии.

– Через пару недель она будет лучше выглядеть, Горбен, – развеял страхи брат Изабель, будто знал, о чем думает гость.

Девушка едва подняла в испуге глаза, после чего сразу их опустила, словно боялась наказания за такую самовольность. Стоять ей было тяжело и даже платье не скрыло того, что ноги дрожали. От страха или истощения никто так и не понял. Горбен сжалился над невзрачной принцессой и даже ругал себя, потому что заставил ее дойти до этого места из-за его прихоти. Ему не терпелось скорей увести ее с глаз окружения, и он нашел прекрасный повод.

– Мы устали с дороги, Тахор. Если предложишь моим людям горячий обед, я буду очень благодарен. Вы разделите со мной трапезу, Изабель?

– Ты успеешь с ней пообщаться, Горбен. Твои люди будут накормлены. Раздели горячий обед со мной, – Тахор снова кинул свою игрушку в сторону, и она приземлилась на пол.

– Изабель, так вы присоединитесь? – Горбен смотрел с подозрением на нее. Почему она молчит?

Девушка медленно повернула голову к брату, казалось быстрее она просто не в силах это сделать, иначе умрет от перенапряжения. Все ждали одобрения короля, и она больше всех.

– Ладно, можешь тоже с нами отобедать, сестренка, – после этих слов он захихикал так омерзительно, что Джоан захотелось прикрыть уши.

Бисох и Гурнон стояли недалеко от своего короля и были так же изумлены от происходящего, будто все прибыли сюда на войну, а не на предложение руки принцессе Медеуса.

В городе Горбену не нравилось все. Начиная от замка, дурного короля, наигранных представлений, истощенной Изабель, и заканчивая едой. Успело стемнеть прежде, чем они добрались до пирного зала, но главное, что прибывших слуг и солдат успели хорошо накормить. Горбен беспокоился о своих людях больше всего. А еще постоянно думал о Тонуне и Эфе. Все ли у них в порядке.

Изабель сидела между двумя королями. Она молчала. Ее руки тряслись, поднося столовый прибор с пищей ко рту. Как назло, кусочек мяса с вилки соскользнул вниз, обратно в тарелку, и она отчаянно попыталась его снова наколоть.

Девушка посмотрела на соседний стол и заметила пристальный взгляд. Ее щеки бы покраснели, если могли, но она стала еще блее от смущения. Горбен уловил ее взор и проследил, куда она смотрит. Глаза Гурнона сверкали жалостью к принцессе, и он этого не скрывал от нее, но потом, заметив взгляд своего короля, опустил глаза в тарелку и продолжил медленно есть под рассказы Бисоха.

– Надеюсь, вы рады нашему прибытию, принцесса? – учтиво спросил ее Горбен, а сам от жалости мечтал накормить ее с рук.

– Конечно она рада. Правда, сестренка? – ответил вместо нее брат и она еле кивнула. Черепашки двигаются и то быстрее.

– Сколько вам лет, Изабель?

– Ей двадцать. Старовата для тебя? – снова вмешался Тахор? – Она девственница, хочешь в этом удостовериться? – девушка вздрогнула.

– Сейчас я поверю на слово. Чем вы увлекаетесь, Изабель?

Тахор снова ответил вместо нее. Это начало раздражать, и Горбен зашептал ей на ухо, и она будто попыталась улыбнуться, но не смогла, потому что брат с интересом высунул голову, наблюдая за ними.

– Проводить вас до покоев, принцесса? – попытался уединиться с ней будущий жених.

– Не стоит, Горбен. У нее отменная стража. Ступай, сам отдохни, тебя проведут мои люди. Уверен, через пару дней у нее будет намного больше сил, чтобы пообщаться с тобой на свежем воздухе. Да и ты выпись после долгой дороги. Завтра, предлагаю нам с тобой прогуляться по городу.

– Конечно, Тахор, – Горбен пригубил вина, и, заметил, с какой жадностью на него смотрит король Медеуса. – Отличное вино. Местное?

– Из Алоссы, – ухмыльнулся Тахор, и Изабель едва заметно сжала губы. – Наши виноградники преподносят скудный урожай, а то, что удастся вырастить, дает ужасно кислый вкус.

– А мне нравится наше вино, – наконец высказалась Изабель.

– Но лекарь все равно запретил тебе его пить, пока ты не наберешься сил, – заметил Тахор, и сам взял графин, чтобы наполнить кубок себе и гостю. – Угощайся, Горбен.

– Я думаю, на сегодня мне уже достаточно, – спокойно ответил он и услышал, как Изабель с облегчением выдохнула. – Я и так уже чувствую себя сонным.

– Конечно, Горбен. Тебя проводят мои люди.

Горбен после ужина ушел в выделенные ему покои. Когда черные рыцари оставили его наедине, он решил обсудить происходящее с друзьями, которые по его желанию располагались в соседних комнатах. Кроме Тонуна. Он остановился вместе с Эфой в каком-то трактире, и пока Горбен не мог навестить их. Наверное, до отъезда это и не стоило делать. Тахор оказался еще более мерзким, чем они могли себе представить.

– Лучше тебе жениться на этой доходяге. Она все равно вот-вот помрет, а мы не оскорбим этого идиота. Не хватало еще войны развязывать с Медеусом, – сказал Бисох.

– С ней что-то не так, – Горбен потирал уставшую шею. Глаза предательски закрывались, он тряхнул головой и продолжил обсуждения.

– Эта баба себя еле на ногах держит. Конечно, с ней что-то не так. В брачную ночь ты случайно сломаешь ей хребет, а о том, чтобы она выносила ребенка и речи нет. Вот это мы погрязли в болоте Медеусского дерьма. Я уже согласен, что надо было сразу возвращаться, как только ты ведьмину девчонку поймал. Сказали бы, что слишком поздно получили письмо и ты уже женился. Пусть и на слепой простушке. Да вообще надо было до отъезда жениться на кухарке. Плевать на ком, но только не ехать сюда, – не замолкая рассуждал Бисох.

– Я хочу поговорить с Изабель наедине.

– Только не прикасайся к ней. Вдруг она какая-то заразная, – брезгливо передернулся Бисох.

– Тахор бы тоже тогда так выглядел, а морда у него, как у кабана, – присоединился Гурнон.

– Да к ней близко страшно подойти. Если ты случайно чихнешь, она улетит как мошка.

– Прекрати, Бисох. Она явно не только переболела. Девчонка еще запугана.

– Если бы я жил с этим жирнолицым, то тоже был бы запуган, – после этих слов Бисоха, оба друга с удивлением посмотрели на расстегнутые штаны, и вывалившемся над ними пузом. – Что уставились? Хоть я и толстый, но я-то не тереблю конечности животных в руках как идиот. Мой тебе совет, Горбен. Забирай эту хрустинку домой и валим из этого королевства. Не переживет дорогу, вот и славно.

– Ты уже понабрался жестокости у Тахора? – вступился Гурнон.

– Этот сухой листик вот-вот помрет.

– Ей нужна помощь, Бисох, – не унимался Гурнон

– Валяйте. Из-за этой обезвоженной веточки мы все будем обречены.

– Я должен узнать, что с ней случилось. Завтра проведу день с Тахором, а на следующий день попробую вытащить из нее пару слов.

– Не успеет она договорить, как произойдет вот это! – Бисох уронил голову на плечо и вытащил язык, закатив глаза. – Что уставился Гурнон? Ты и сам хотел оставить Эфу в лесу, а почему за Изабель-то так заволновался?

– Обе девушки попали в беду. Нельзя их бросить, – Горбен размял пальцами виски.

– А тебе не кажется, что ты слишком уж добросердечен ко всем? Ох, нам всем это аукнется. Вспомни потом мои слова, когда эти две бабы заставят нас рыдать над руинами и горами трупов.

– Горбен, ты себя плохо чувствуешь? – пригляделся к нему Гурнон.

– Устал. Давайте, завтра обсудим остальное.

После этого воспоминания Горбена Джоан плохо спалось, но она всеми силами пыталась заснуть, чтобы поскорее увидеть продолжение. Ребенок родится через месяц, и ей следовало побольше узнавать, ведь потом она не сможет так часто ходить к Визайтону. Да и вообще, сможет ли?

Даже мысль о том, что у нее был такой ужасный восемьсот лет назад сто раз прадедушка, не давала успокоиться. Как хорошо, что Луи вообще не был на него похож, да и она тоже.

Ни черных глаз, ни такого мерзкого злобного характера. Отчасти ей стало стыдно, что они рождены под такой фамилией, и облегчило страдание то, что в книгах ничего о Тахоре не известно. Только прах правителя закопан под первой плитой в усыпальнице. Там ему и место. Хорошо, что никто не воскресил и его.

– Как спалось, Горбен? – в приподнятом настроении поинтересовался Тахор.

Видимо, за ночь успокоился из-за внезапного появления гостей. Они вдвоем неспешно прогуливались по территории города. Позади них на близком расстоянии шли Варвар и Бисох.

– Даже не помню, как уснул.

– Я не любитель дальних путешествий, они сильно выматывают. Не представляю, как Изабель перенесет такую долгую дорогу после вашей свадьбы.

– Я еще не дал ответ на твое предложение, Тахор, – заметил Горбен.

Тахор немного напрягся, и попытался расплыться в дружественной улыбке, но уголки губ хаотично дергались. В его руках зазвенела игрушка. Браслет из клыков хищного зверя. Он перебирал пальцами зубы, нанизанные на ниточку, как четки.

– Вот как.

– Не пойми меня не правильно, но Изабель выглядит слишком изможденной. Рядом со мной должна стоять сильная женщина. Какую болезнь перенесла твоя сестра?

– Я тебе уже говорил, что она полностью поправится.

– И все же, объясни, что случилось.

– Я сейчас унижу свою сестру, но раз ты так требуешь. У меня невероятно способные лекари в городе. Они открывают каждый день все новые и новые лекарства. Сильные лекарства, подавляющие боль, лихорадку, рвоту, понос и даже легочную болезнь. Ты знаешь, что многие женщины страдают во время крови?

– Слышал об этом. Но кровь не болезнь, даже если вызывает боль.

– Вот и я так говорил Изабель. Но она вымолила у одного лекаря склянку с самым сильным настоем. Одной капли в кубке молока достаточно, чтобы забыть о недуге на день, а то и два. Изабель, к сожалению, неуклюжая и пролила в молоко намного больше одной капли. Такое большое количество лекарства вызывает болезнь, а не помогает унять боль. Я уже наказал лекаря за то, что он не проконтролировал прием настолько сильного настоя. Я даже боялся, что сестра умрет. Но все позади. Она идет на поправку. Поэтому, я настоятельно прошу тебя задержаться в моем замке и сыграть свадьбу здесь и только потом через какое-то время отправляться домой.

– Я еще не дал согласия, Тахор.

– Не оскорбляй меня, Горбен, – сквозь зубы процедил он. – Побудь здесь еще хотя бы пару недель и ты увидишь, как Изабель расцветет. Она уже влюблена в тебя Горбен. Не разочаровывай ее, как ты разочаровываешь меня. Я не привык к отказам.

– Она сама об этом сказала?

Эгоистичность Тахора мало его волновала.

– Я видел, как она была взволнована. На нее это не похоже. Определенно, сестра уже витает в облаках. Я пытался с ней заговорить после ужина, но она и половину слов не слышала, и впервые улыбнулась после происшествия с лекарством. Разве это не доказательство того, что Изабель будет счастлива с тобой. Я так много о тебе слышал хорошего, и хочу для сестры самого лучшего мужа. Пойми тоже, она все, что у меня осталось, но не могу же я жениться на собственной сестре. И мои лекари выяснили, что родственникам вступать в связь иногда опасно. Слабое потомство случается.

Тахор говорил о людях, как о скоте.

– Ты не разрешаешь мне с ней побыть вдвоем. Я хочу услышать от нее лично, что она желает стать моей женой.

– Давно ли женщин нужно спрашивать, чего они хотят? За нее решаю я. Я ее король брат.
– Я тоже король. Даже если она подчиняется твоим приказам, тебе нечего бояться. Ведь ты только сказал, что она питает ко мне нежные чувства.

– Так значит, ты согласишься жениться на ней, если она признается в любви?

– Если ее осмотрит мой лекарь и подтвердит твои слова, тогда да.

У Тахора снова задергались уголки губ в нервной улыбке.

– Я желаю объединить наши королевства, сделать самый могущественный союз и стать родней Фонтегорнам. Я закрою глаза на все твои оскорбления за сегодняшний день...

– Я тебя не оскорблял, – перебил Горбен.

– Сегодня, Изабель будет ждать твоего лекаря. Через три дня она уже будет выглядеть и чувствовать себя лучше. Настолько лучше, чтобы соизволить прогуляться с тобой в саду. Ты с ней пообщаешься, и мы назначим день свадьбы. Это все твои условия? – в глазах Тахора промелькнула угроза.

– На сегодняшний день, да.

– Вот и славно, – улыбка Тахора наконец перестала дергаться.

Они прогуливались еще пару часов по богатой части города, пока Горбен не предложил показать свой дар для Изабель. Король Медеуса учтиво отказался, оправдываясь аллергией на конское сено в конюшне. Короли разошлись в разные стороны, и Горбен вместе с Гурноном и Бисохом, под предлогом проверить лошадей, направился в сторону конюшни и улицу таверн.

– За нами следят? – не подавая виду, спросил Горбен.

– Полагаю, что да. Какая разница? Мы же не делаем ничего запретного, – незаметно осматриваясь по сторонам ответил Гурнон.

– Прикройте меня. Я хочу проведать Тонуна.

– Чего ты придумал? – возмутился Бисох. – Под носом у Тахора хочешь с девчонкой поиграть?

– Я всего лишь хочу убедиться, что с ними все в порядке.

– После того, как убедишься, подставишь свою и наши спины под нож. Даже не вздумай соваться в таверну.

– Перестань. Мы просто зайдем выпить хорошего пива. А потом я отойду ненадолго.

Бисох готов был встряхнуть Горбена, но только что-то пробурчал себе под нос.

– Не стоит так рисковать. Я сам отправлюсь в таверну убедиться в их безопасности, – предложил помощь Гурнон.

– Дурачки. Безопаснее всего там не появляться, – Бисох не церемонился.

– Но я хочу ее видеть, – решительно наседал Горбен.

– Вот вывези нас из этого проклятого города, и делай с ней что хочешь.

– Я не вижу ни одного шпиона, чтобы чего-то бояться.

– На то он и шпион, чтобы его не видели, – Бисох на ходу заглянул королю в глаза. – Кроме конюшни мы никуда не пойдём. И я настоятельно рекомендую выкинуть слепую девку из головы. Иначе, кто-то из нас останется с голыми плечами и культей вместо шеи.

Горбен мельком заметил в окне желанный силуэт. Он даже остановился, и Бисох мгновенно подтолкнул его в спину рукой.

– Не смей тут глазеть на нее, – огрызнулся рыжебородый. – Надо объяснить Тонуну, чтобы не позволял ей высовываться из окна. Она же слепая, а головку к солнечному свету вытянула как комнатный цветочек.

– Клянусь, она так же хочет встречи со мной, – прошептал Горбен и снова обернулся. Но ее там уже не было. Только штора играючи качалась за стеклом.

– Ты хотел ее увидеть? Ты ее увидел. Стоит живая и можно сказать невредимая. Реши уже, что с Изабель делать будем, а то мы тут еще надолго задержимся. Лично я дольше недели не протяну.

– Через пару дней я встречу с Изабель. Хочу поговорить с ней лично прежде, чем принять решение.

Бисох так и не пустил Горбена к Эфе. Король только ночью в постели понял, что друг прав. Но каждая мысль снова и снова приводила его к облику Эфы. Легкое и непривычное в последние дни головокружение быстро сморило его в сон. Сон, в котором остался только он и Эфа. Легкая улыбка на губах так и осталась с ним до утра.

Глава 7. Бегство

Знакомые деревья, высаженные полукругом, небольшие лавочки, спрятанные от жары в тени листвы, и идеальная мягкая трава. Родной дом Джоан – Медеус. Она родилась здесь, но выросла дикаркой в лесу среди амазонок. Это место, конечно, изменилось за сотни веков, но Джоан помнила, как дралась понарошку с Лоттой палками именно здесь. А еще она уложила Эрика на лопатки, и приставила меч к его горлу. Оказывается, это был прекрасный период, даже несмотря на то, что в те времена состоялась первая брачная ночь с ним. Точнее с ними. А как мать выбегала в самые эпичные моменты и вечно возмущалась от её непристойного поведения...

Так много удалось вспомнить, потому что Горбен ждал в этом саду девушку. Он стоял в одиночестве около часа, после чего появился Тахор, а под руку с ним шла, нет, еле передвигалась Изабель.

В этот день девушка выглядела уже чуть лучше, у нее даже появился румянец на щеках, и губы порозовели. Ей распустили темные идеально прямые волосы до лопаток, и облачили в красное платье. Она все равно была в перчатках, но тонкую шею уже не прикрывало кружево. В ее карие глаза витало горе. Она будто не хотела идти на эту встречу, озадачив и Горбена и Джоан.

– Ты же не обидишь мою дорогую сестру, король Горбен? – черный мрак уставился на него.

– Никогда. Зачем мне пугать беззащитную девушку? – улыбнулся он Изабель.

– Что ж, Изабель, веди себя пристойно, ты же хочешь замуж за такого красивого короля? – сказал он с ухмылкой и удалился с оглядкой.

Девушка посмотрела на Горбена и попробовала улыбнуться.

– Ты не представляешь, чего мне стоило выпросить тебя у брата на не долгую прогулку. Присядем или пройдемся?

– Пройдемся, – услышал он её хриловатый и слабый голос.

– Как скажешь. Любая прихоть и я исполню твое пожелание, – он попытался ее раскрепостить. Добиться расположения и доверия.

Если бы Эрик так почтительно обходился с Джоан, возможно, она бы давно перестала пренебрегать его вниманием. По крайней мере, не стала бы нарочно злить.

– Изабель, – обратился Горбен, но девушка не пробовала даже взглянуть на него. – Ты боишься меня? – в его голосе прозвучало удивление, и он слегка наклонился, чтобы разглядеть ее лицо.

– Нет. Вы так добры, – засмушалась она, не зная, что еще сказать.

– Так в этом причина твоего молчания? – он положил ладонь на ее щеку, и заметил, как ее взгляд забегал в разные стороны. Она снова попыталась улыбнуться, но продолжала озираться по сторонам.

– Нет, – более громкими словами она не удостоила его.

– Ты прекрасна, Изабель, – на это она ответила таким несчастным взглядом, что он понял – девушка не поверила ни одной произнесенной букве. – Тебе уже лучше сегодня?

Она вздрогнула, и ему уже надоело выбивать из нее каждое слово, но терпение мужчины оказалось крепким. Он слегка прихватил ее за плечо, чтобы она хоть как-то отреагировала, но девушка тихо застонала. В испуге за содеянное, принцесса прикрыла рот рукой. Казалось, Изабель в чем-то провинилась.

– Тебе что, больно? Больно от моих прикосновений?

Она еле заметно кивнула.

– Я могу чем-то тебе помочь? Наш лекарь сказал мне, что ты еще страдаешь от кровоизлияний под кожей, если обо что-то слегка удариться. Но обнадежил, что скоро и это пройдет.

– Меня убьют, если я скажу правду, – она прошептала так тихо, что даже Джоан едва слышала слова.

– Да что тут вообще происходит?

Он незаметно приподнял глаза и вскользь увидел, что Тахор наблюдает за ними с балкона. С этого места и мать Джоан, Маргарита точно так же любила следить за всеми, но она носила фамилию Фриель только как законная жена покойного Жана. Пришлось сделать вид, что Горбен не заметил брата Изабель.

– Горбен, – прошептала она, и он удивительно вскинул брови от неожиданного обращения по имени. – Не отказывайтесь от меня, пощадите. Уезжайте нас отсюда. Я сделаю все что угодно. Все что вы попросите, только не оставляйте в этом проклятом городе. Нам нельзя жениться в этих стенах.

Его передернуло и стало не по себе от этих слов. Они медленно продолжили прогулку. Он увел ее к цветущим деревьям, туда, где их не увидят с балкона. Он снял с нее перчатку, а она вся тряслась, но больше не сопротивлялась. Ее кисть была желтой, с фиолетовыми подтеками. Вся боль и ужас остались на ее лице, которое видимо было единственным целым местом на теле.

– Он бьет тебя? Ты боишься его? – в голосе Горбен звучала ярость и она, выхватив перчатку, зашикала на него. Рука немедленно спряталась под красным атласом. Такие поспешные движения чуть не заставили ее плакать от боли. Синяки все еще причиняли страдания.

– Нет... Иногда угрожает расправой. Синяки не из-за этого. Сейчас меня достаточно схватить за руку и снова появится кровавый подтек. Я сама виновата.

– Врешь. Он тебя бьет, – жестко наседал Горбен.

– С некоторыми это случается иногда после смерти отца. Ему не нужно бить, чтобы причинить кому-то вред и увечья. У него свои способы изощренных пыток, которые не причиняют серьезный вред здоровью. Его оружие – боль. Пожалуйста, не говорите никому про Тахора, я умоляю. Иначе мы все умрем, – так много и быстро сказать для нее было настоящим подвигом.

– Ты сама выпила лекарство?

– Да. Это правда. Чтобы защитить вас.

Она снова едва не расплакалась, но, казалось, от истощения у нее просто не будет слез. Изабель уже пожалела, что вышла на эту прогулку. Ей давно не хотелось жить, но Горбен здесь рядом с ней, и стал единственным шансом, чтобы вырваться из лап тирана. Надежда о нормальной жизни осторожно выбиралась из самых скрытых частей ее души. Страх потерять спасителя завладел ею больше, чем страх остаться с братом. Если Горбен откажется от нее, следующую пытку приготовленную Тахором она просто не переживет и отправится в тени. Но тени мертвых лучше, чем мрак в глазах и поступках Тахора.

– За что? За что он пытается тебя? – У Горбена не укладывалось в голове, как такое вообще могло произойти. Да ее брат похож на безумца, но не настолько же.

– Я плохо себя веду. Так говорит Тахор. После того, как он отправил вам письмо, никто не думал, что вы сразу лично приедете, все ждали ответа от гонца. Я хотела вас защитить, поэтому попыталась покончить собой.

– Что? – Горбен думал, что ослышался. – Зачем ты пыталась убить себя?

– Уезжайте меня отсюда, и я все расскажу. Выйду за вас замуж, если пожелаете. Можете сделать меня служанкой. Если я для вас обуза, собирайте вещи и поскорее убирайтесь отсюда. Я давно потеряла интерес к жизни.

– Изабель, я ничего не понимаю.

– Он вас травит, – вырвалось из уст девушки, и она снова попыталась, но не смогла заплакать.

– Я прекрасно себя чувствую, не выдумывай. Тем более, ем то же самое, что и твой брат. Даже вино из одного графина пьем.

– Яд действует очень медленно. Тахор принимает противоядие. Я настолько навредила себе, что мне даже оно не поможет, поэтому, не пила с вами вино, но и сказать ничего не могла. Он бы все услышал. После первой дозы, сначала, становишься более сонным, и если продолжать его принимать, начинаешь хуже видеть. Через время вы начнете мочиться кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.